

Адское Воинство

Автор:

Фред Варгас

Адское Воинство

Фред Варгас

Комиссар Адамсберг #7

Спокойную жизнь комиссара Адамберга омрачают несколько обстоятельств: кто-то в округе издевается над голубями, в сгоревшем «мерседесе» найден труп промышленного магната; в полицейском управлении появляется тихая, застенчивая женщина, которая рассказывает средневековую легенду о Воинстве Сатаны. Именно ее история побуждает Адамберга отправиться в провинциальный городок, который неожиданно становится местом действия дьявольских сил, ополчившихся против мирных жителей. А начинается все, как в сказке «Мальчик-с-пальчик», – с хлебных крошек!

Фред Варгас

Адское Воинство

L'Arme e furieuse

by Fred Vargas

Copyright © Fred Vargas et les Editions Viviane Hamy, 2011

© Н. Кулиш, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru) (<http://www.litres.ru/>)

* * *

I

От кухни до спальни тянулась дорожка из мелких хлебных крошек, они были и на чистых простынях кровати, где лежала мертвая старуха с открытым ртом. Комиссар Адамберг, неторопливо прохаживаясь вдоль этой дорожки и молча разглядывая ее, задумался: какой Мальчик-с-пальчик, а точнее, какой Людоед мог растерять здесь крошки? Дело было в темной и тесной трехкомнатной квартире на первом этаже, в Восемнадцатом округе Парижа.

Мертвая старуха лежала в спальне. Муж сидел в столовой. Он ждал, не выказывая ни раздражения, ни волнения, только жадно смотрел на газету с начатым кроссвордом, за который он не смел взяться опять, пока в квартире были легавые. Он уже успел рассказать свою короткую историю: они с женой познакомились в страховой компании, где она работала секретаршей, а он бухгалтером, и радостно поженились, не догадываясь, что это продлится пятьдесят девять лет. А прошлой ночью жена умерла. От остановки сердца, уточнил в телефонном разговоре с Адамбергом комиссар Восемнадцатого

округа. Он слег с простудой и попросил Адамберга заменить его. Окажи мне эту услугу, там дела на часок, не больше, рутинный утренний вызов.

Адамберг еще раз проследил путь хлебных крошек. Квартира содержалась в идеальном порядке, на спинках кресел висели подголовники, все поверхности из пластика блестели, окна – без единого пятнышка, посуда вымыта. Он заглянул в хлебницу: там лежали маленький багет и завернутая в чистую тряпочку корка, из которой вынули мякиш. Комиссар взял стул, придвинул к креслу, где сидел муж, и уселся рядом.

– Сегодня утром новости не радуют, – сообщил старик, отрываясь от газеты. – Да еще эта жара, от нее у людей характер взыграл. Но тут, на первом этаже, можно сберечь прохладу. Вот почему я оставляю ставни закрытыми. А еще надо побольше пить – так они говорят.

– Вы совсем ничего не заметили?

– Когда я ложился спать, с ней все было нормально. Я проверял ее каждый вечер, поскольку она сердечница. А сегодня утром увидел, что она скончалась.

– У нее в постели хлебные крошки.

– Она это любила. Пожевать чего-нибудь в постели. Съедала перед сном кусочек хлеба или сухарик.

– Мне почему-то кажется, что после еды она всегда аккуратно выбрасывала крошки.

– Можете не сомневаться. Она тут все чистила и драила так, словно видела в этом смысл жизни. Поначалу это было еще терпимо. Но с годами превратилось в помешательство. Она бы нарочно запачкала, лишь бы потом вымыть. Поглядели бы вы на это. С другой стороны, надо же ей было, бедняжке, чем-то себя занять.

– Да, но откуда крошки? Она их вчера не выбросила?

– Ясное дело, нет, ведь хлеб-то принес я. У нее самой не было сил встать. Она, конечно, велела убрать крошки, но лично мне на это начхать. Назавтра она

наверняка бы их выкинула. Потому что каждый день вытряхивала простыни. Зачем это надо, никто не знает.

– Значит, вы принесли ей хлеб в постель, а то, что она не съела, потом убрали в хлебницу.

– Нет, в ведро выкинул. Хлеб был черствый, она не могла его есть. Я принес ей сухарик.

– Но хлеб не в ведре, он в хлебнице.

– Знаю.

– Там пустая корка, без мякиша. Она съела весь мякиш?

– Черт возьми, комиссар, конечно нет. С чего бы она стала наедаться хлебным мякишем? Тем более уже зачерствевшим? Вы ведь комиссар?

– Да. Жан-Батист Адамберг, уголовный розыск.

– А почему не наша местная полиция?

– Комиссар лежит с гриппом. Его подчиненные прийти не могут.

– Что, у всех грипп?

– Нет, просто ночью была потасовка. Двое убитых, четверо раненых. Из-за украденного скутера.

– Вот беда-то. Это все жара влияет, от нее тают мозги. А я Тюило Жюльен, пенсионер, бывший бухгалтер в компании «АЛЛБ».

– Хорошо, я записал.

– Она всегда шпыняла меня за то, что у меня фамилия самая простая, а ее девичья фамилия была красивее – Коскэ. В общем, это верно. Я так и подумал,

что вы комиссар, все расспрашиваете про эти крошки. Ваш коллега из здешней полиции – он не такой.

– По-вашему, я слишком много внимания уделяю крошкам?

– Да ладно, поступайте, как считаете нужным. Это вам нужно для отчета, надо же там хоть что-нибудь написать. Уж я-то понимаю, в «АЛЛБ» я всю жизнь только и занимался разными счетами и отчетами. Если бы хоть в этих отчетах все было по-честному. Но куда там. У хозяина был девиз, который он повторял на каждом шагу: страховая компания не должна платить, даже если должна платить. Пятьдесят лет жульничества – от этого башка здоровее не становится. Я говорил жене: чем стирать занавески, навела бы чистоту у меня в голове, было бы куда полезнее.

И Жюльен Тюило коротко рассмеялся, чтобы усилить эффект от своей шутки.

– Знаете, я все-таки не понимаю, почему корка оказалась без мякиша.

– Чтобы понять, комиссар, надо быть смекалистым, да-да, смекалистым и хитрым. Таким, как я, Жюльен Тюило, ведь я за тридцать два года шестнадцать раз выигрывал чемпионат по решению кроссвордов максимальной сложности. Получается, что в среднем меня признавали чемпионом каждые два года, и добился я этого исключительно своим умом. Точнее, смекалкой и хитростью. Причем дело это еще и прибыльное, если чемпионат такого высокого уровня. Вот этот кроссворд, – сказал он, указывая на газету, – он для детсадовских ребят. Только приходится часто оттачивать карандаши, и сыплется много стружки. Как же она меня доставала из-за этой стружки. А что это вы зациклились на хлебе?

– Он не выброшен в ведро, я не нахожу, что он такой уж черствый, и мне непонятно, куда делся мякиш.

– Это домашняя тайна, – сказал Тюило, которого, казалось, забавлял этот разговор. – Видите ли, у меня тут два маленьких жильца, Тони и Мари, симпатичная такая парочка, они на удивление душевные и по-настоящему любят друг друга. И все же могу вас заверить, они не по вкусу моей жене. О мертвых не говорят плохо, но она чего только не придумывала, чтобы их извести. А я три года подряд расстраиваю все ее планы! Смекалка и хитрость – вот мой секрет. Куда тебе, моя бедная Люсетта, обставить чемпиона по кроссвордам, так я ей

говорил. Ведь мы с этой парочкой объединились в тройственный союз, они знают, что могут рассчитывать на меня, а я знаю, что могу рассчитывать на них. Каждый вечер они заходят меня проводить. А поскольку они умные и очень тактичные, то никогда не появляются раньше, чем Люсетта ляжет спать. Они прекрасно знают, что я их жду. Первым всегда приходит Тони, он крупнее и сильнее.

– Это они съели мякиш? Пока хлеб лежал в ведре?

– Они его обожают.

Адамберг мельком взглянул на кроссворды, которые показались ему не такими уж простыми, и отодвинул газету.

– Кто «они», месье Тюило?

– Я не люблю об этом говорить. Людям такие вещи не по душе, им не понять.

– Они животные? Собаки или кошки?

– Крысы. Тони темнее Мари. Они так любят друг друга, что часто даже отрываются от пищи и трут лапками голову друг другу. Если бы люди не были такими тупицами, то специально приходили бы на это посмотреть. Мари более игривая, чем Тони. После еды она забирается ко мне на плечо и запускает коготки мне в волосы. Причесывает, можно сказать. Таким способом она выражает мне свою признательность. Или любовь? Да разве узнаешь? Но так или иначе, это умиротворяет. А потом, сказав друг другу массу ласковых слов, мы расстаемся до следующего вечера. Они возвращаются в погреб через дыру в стене, за сливной трубой в кухне. Однажды Люсетта замазала дыру цементом. Бедняжка Люсетта. Совсем не умеет разводить цемент.

– Понимаю, – сказал Адамберг.

Старик напомнил ему Феликса, обрезчика на винограднике в восьмистах восьмидесяти километрах отсюда. Феликс приручил ужа, подкармливая его молоком. Однажды какой-то парень убил ужа. И тогда Феликс убил парня. Адамберг вернулся в спальню, где лейтенант Жюстен сидел у изголовья

покойницы, дожидаясь, пока придет лечащий врач.

– Загляни в рот, – сказал Адамберг. – Посмотри, нет ли там следов беловатой кашицы, похожей на хлебный мякиш.

– Что-то я не горю желанием.

– А ты все-таки сделай. Думаю, старик задушил ее, затолкав в горло хлебный мякиш. А потом вытащил его и куда-то выбросил.

– Мякиш?

– Да.

Адамберг открыл окно и ставни. Осмотрел совсем маленький дворик, засыпанный птичьими перьями и наполовину заставленный старой рухлядью. Посредине был водосток, прикрытый решеткой. Адамберг заметил, что решетка мокрая, хотя дождя вчера не было.

– Пойди подними решетку. Думаю, он выбросил туда мякиш, а потом слил ведро воды.

– Идиотизм какой-то, – пробурчал Жюстен и посветил фонариком в рот старухи. – Если он и правда это сделал, почему потом не выбросил корку в помойный бак и не вымел крошки?

– Чтобы выбросить корку, ему пришлось бы выйти из дому и показаться на улице в неурочное время. А прямо рядом с домом – терраса кафе, где в душную ночь наверняка полно народу. Его бы увидели. А про горбушку и крошки он сочинил замечательную историю. Настолько необычную, что в нее начинаешь верить. Это чемпион по кроссвордам, у него своеобразный ход мысли.

И Адамберг вернулся на кухню к Тюило, он испытывал горечь, к которой примешивалось нечто вроде восхищения.

– Когда пришли Тони и Мари, вы достали хлеб из ведра?

– Нет, они сами его достают, им это нравится. Тони садится на педаль, крышка поднимается, и Мари вытаскивает из ведра все, что им захочется. Молодцы, верно? Вот уж хитрюги так хитрюги.

– Значит, Мари вытащила хлеб. А потом они вдвоем выели мякиш? Не переставая ласкать друг друга?

– Да.

– Весь мякиш?

– Это крупные крысы, комиссар. И прожорливые.

– А крошки? Почему они не съели крошки?

– Комиссар, мы занимаемся Люсеттой или мы занимаемся крошками?

– Мне непонятно, почему вы завернули хлеб в тряпку после того, как крысы выели из него мякиш. Хотя раньше он у вас лежал в ведре.

Старик вписал несколько букв в клеточки кроссворда.

– Комиссар, вы явно не сильны в кроссвордах. Если бы я выбросил пустую корку в ведро, Люсетта вмиг сообразила бы, что Тони и Мари побывали у нас.

– Вы могли вынести хлеб на помойку.

– Входная дверь скрипит, как недорезанная свинья. Вы разве не заметили?

– Заметил.

– Ну, вот я и завернул хлеб в тряпку. Это избавляет меня от утреннего скандала. Ведь у нас тут каждый день скандалы, от зари до зари. Черт возьми, все пятьдесят лет она бурчит на меня и повсюду возит тряпкой, и под моим стаканом, и под ногами, и под задницей. Словно я уже не имею права пройти по комнате или сесть на стул. Если бы с вами так обращались, вы бы тоже спрятали

корку.

– А в хлебнице она ее не увидела бы?

– Нет, конечно. Утром она ест сухарики с изюмом. Наверное, она это делает нарочно, потому что от сухариков бывает уйма крошек. И у нее появляется занятие часа на два. Прослеживаете логику?

В кухню вошел Жюстен и утвердительно кивнул Адамбергу.

– Но вчера, – начал Адамберг с некоторым унынием в голосе, – вчера все было иначе. Вы вынули из хлеба мякиш, две плотные пригоршни, и затолкали ей в рот. Когда вы заметили, что она не дышит, то достали мякиш и выбросили его в водосток во дворе. Меня поразило, что вы выбрали такой способ убийства. Никогда еще не видел, чтобы человека задушили хлебным мякишем.

– Редкая изобретательность, – спокойно подтвердил Тюило.

– Вы, конечно, предвидели, что на мякише найдут частицы ее слюны. И поскольку вы смекалистый и хитрый, то на корке обнаружат также следы от крысиных зубов. Вы оставили им немного мякиша, чтобы ваша история выглядела более убедительной.

– Они обожают забираться внутрь багета, смотреть на это – одно удовольствие. Да, вчера мы с ними приятно провели вечер, что и говорить. Я даже выпил два стакана, пока Мари скребла у меня в голове коготками. Потом вымыл и убрал стакан, чтобы не нарываться. Хотя она была уже мертвая.

– Хотя вы только что ее убили.

– Да, – ответил старик с равнодушным вздохом и заполнил несколько клеточек в кроссворде. – Вчера приходил доктор. И сказал, что она точно протянет еще не один месяц. Это означало, что у меня впереди еще десятки вторников со слоеными пирожками, сотни попреков, тысячи взмахов тряпкой. В восемьдесят шесть лет ты вправе начать жить. Бывают такие вечера. Вечера, когда человек встает и совершает поступок.

Тюило встал и открыл ставни в столовой, впустив внутрь непомерную, изматывающую жару первых дней августа.

– Она еще и окна не хотела открывать. Но я не скажу всего этого, комиссар. Я скажу, что убил ее, желая избавить от страданий. Убил с помощью хлебного мякиша – потому что она его любила, потому что хотел побаловать ее в последний раз. Я все выстроил заранее, вот здесь. – Он стукнул себя по лбу. – И не найдется ни единого доказательства, что я сделал это не из милосердия. А? Из милосердия? И меня оправдают, и через два месяца я вернусь сюда, поставлю себе стакан прямо на стол, не подстилая салфетку, и мы заживем тут втроем, Тони, Мари и я.

– Думаю, так и будет, – произнес Адамберг, медленно поднимаясь с места. – Но если вы вернетесь, месье Тюило, вам не хватит смелости поставить стакан прямо на стол. И возможно, вы достанете из шкафа ту самую салфетку. А потом сметете крошки.

– А зачем я стану это делать?

Адамберг пожал плечами:

– Просто я такое уже видал. Так часто бывает.

– А вы за меня не расстраивайтесь. Я, знаете ли, хитрый.

– Это верно, месье Тюило.

На улице жара загоняла людей в тень, они шли вплотную к фасадам домов, ловя воздух раскрытыми ртами. Но Адамберг перешел на солнечную сторону и зашагал по безлюдным тротуарам на юг. Долгая пешая прогулка поможет ему забыть счастливое – и действительно очень хитрое – лицо чемпиона по кроссвордам. Который, быть может, в будущий вторник купит себе на ужин слоеный пирожок.

Он добрался до Конторы через полтора часа, черная футболка вся намокла от пота, а мысли встали на место. Редко случалось, чтобы какое-то впечатление, приятное или неприятное, тревожило ум Адамберга слишком долго. «Поневоле задаешься вопросом: а есть ли у него ум?» – частенько повторяла мать. Он продиктовал отчет для больного гриппом комиссара и зашел в дежурку узнать, какие сообщения были оставлены в его отсутствие. Бригадир Гардон сидел у коммутатора наклонив голову, чтобы уловить ветерок от маленького вентилятора, стоящего на полу. В струйке прохладного воздуха его тонкие волосы развевались, как под колпаком фена в парикмахерской.

– Лейтенант Вейренк ждет вас в кафе, комиссар, – доложил он, не меняя позы.

– В кафе или в пивной?

– В кафе «Партия в кости».

– Вейренк больше не лейтенант, Гардон. Только вечером станет известно, ушел ли он окончательно.

Адамберг секунду разглядывал бригадира, задаваясь вопросом, есть ли у Гардона ум, а если да, чем он мог этот свой ум занять.

Комиссар уселся за столик Вейренка, и они приветствовали друг друга ясной улыбкой и долгим рукопожатием. У Адамберга до сих пор еще по спине иногда пробегала дрожь при воспоминании о том, как Вейренк неожиданно появился в Сербии[1 - См.: Фред Варгас. Заповедное место.]. Он заказал салат и, неторопливо жуя, стал подробно рассказывать о мадам Люсетте Тюило, месье Жюльене Тюило, о Тони и Мари, об их страстной любви, о корке от багета, о педали мусорного ведра, закрытых ставнях, слоеном пирожке по вторникам. Временами он глядел в окно, которое Люсетта Тюило отмыла бы гораздо тщательнее.

Вейренк заказал два кофе хозяину кафе, толстяку, чья природная ворчливость усиливалась от жары. Его жена, маленькая молчаливая корсиканка, бесшумно

появлялась и исчезала с тарелками в руках, словно темнолицая фея.

– Однажды, – сказал Адамберг, кивая на нее, – она задушит его двумя здоровенными пригоршнями хлебного мякиша.

– Очень возможно, – согласился Вейренк.

– А эта женщина все еще ждет там, на улице, – сказал Адамберг, снова взглянув в окно. – Почти час стоит на солнце, в такую нестерпимую жару. Она не знает, что ей делать, как поступить.

Вейренк посмотрел на женщину, которую разглядывал Адамберг: маленькая, худощавая, чисто одетая, блузка в цветочек, в парижских магазинах такую не купишь.

– Почему ты решил, что она ждет именно тебя? Она же не стоит у дверей Конторы, а топчется метрах в десяти. Кто-то назначил ей встречу и не пришел.

– Она ждет меня, Луи, это ясно как день. Кто бы стал назначать встречу на этой улице? И ей страшно. Вот это меня и беспокоит.

– Ей страшно, потому что она не из Парижа.

– Возможно, она приехала в Париж впервые. А это значит, что у нее какая-то серьезная проблема. Кстати, как с твоей проблемой, Вейренк? Ты раздумываешь уже не один месяц, сидя у реки и опустив ноги в воду, но до сих пор ничего не решил.

– Ты мог бы перенести окончательный срок.

– Уже перенес. Сегодня в шесть вечера ты должен подписать бумагу либо не подписать. Либо ты опять становишься легавым, либо нет. Тебе осталось четыре с половиной часа, – без эмоций произнес Адамберг, взглянув на часы, вернее, на одни из двух часов, которые он носил на запястье, никто в точности не знал зачем.

– У меня еще уйма времени, – сказал Вейренк, помешивая ложечкой кофе.

Им обоим, комиссару Адамбергу и бывшему лейтенанту Вейренку де Бильку, уроженцам соседних деревень в Пиренеях, было присуще странное отрешенное спокойствие, которое сбивало людей с толку. У Адамберга оно могло показаться проявлением крайней невнимательности и возмутительного равнодушия. У Вейренка оно выливалось в приступы необъяснимой отчужденности или превращалось в непробиваемое упрямство, иногда тупое, молчаливое, а порой сопровождавшееся вспышками гнева. «Это все старая гора», – говорил Адамберг, не ища другого оправдания. Старая гора не может породить веселые, игривые злаки, какие колышутся среди моря травы на бескрайних равнинах.

– Ну-ка пошли, – торопливо расплачиваясь, сказал Адамберг, – а то мы ее упустим. Смотри, она вот-вот сбежит. На нее напала нерешительность.

– На меня тоже, – сказал Вейренк, заглотнув остаток кофе. – Но мне ты помочь не хочешь.

– Нет.

– Очень хорошо.

Увы! Кругом туман, сомнения в груди...

Кто в нерешимости, тот помощи не жди!

– Мы знаем наше решение задолго до того, как мы его принимаем. На самом деле мы знаем его с самого начала. Вот почему любые советы тут бесполезны. Кроме, пожалуй, напоминания о том, что твои стихотворные упражнения раздражают майора Данглара. Он не одобряет надругательство над поэтическим искусством.

На прощание Адамберг просто махнул рукой хозяину кафе. Говорить не имело смысла, толстяк не любил разговоров, а точнее, не любил притворяться общительным. Он был похож на свое заведение – подчеркнуто простое и непритязательное, почти враждебное к клиентам. Между этим гордым маленьким быстро и роскошным кафе напротив шла ожесточенная борьба. Чем больше «Кафе философов» старалось походить на старую, богатую, чопорную даму, тем беднее выглядела «Партия в кости»: это был непримиримый социальный конфликт. «В один прекрасный день, – цедил сквозь зубы майор

Данглар, – дело дойдет до убийства». Он, конечно, не имел в виду маленькую корсиканку, которая рано или поздно затолкает в горло мужу хлебный мякиш.

Выйдя из бистро и вдохнув раскаленный воздух, Адамберг шумно выдохнул, затем осторожно подошел к маленькой женщине, все еще стоявшей в нескольких шагах от входа в Контору. Перед самой дверью сидел голубь, и Адамберг подумал, что, если он спугнет птицу, женщина тоже улетит – подражая ей. Словно она была такой же легкой и подвижной и могла исчезнуть в один миг, как соломинка на ветру. Подойдя ближе, он подумал, что ей, пожалуй, лет шестьдесят пять. Перед поездкой в столицу она побывала у парикмахера, в седых волосах попадались желтые завитки. Когда Адамберг заговорил, голубь не шелохнулся, а женщина обернулась, и комиссар увидел испуганное лицо. Адамберг размеренным голосом спросил, нужна ли ей помощь.

– Спасибо, нет, – ответила она, отводя глаза.

– Наверно, хотите зайти туда? – сказал Адамберг, указывая на старое здание криминальной полиции. – Чтобы поговорить с кем-то из полиции или за чем-нибудь еще? Ведь на этой улице, собственно говоря, больше делать нечего.

– Если полицейские вас не слушают, так и заходить без толку, – сказала она, отступая на несколько шагов. – Не верят они вам, полицейские, вот в чем беда.

– Значит, вы все же направлялись туда? В криминальную полицию?

Она опустила почти прозрачные ресницы.

– Вы в первый раз приехали в Париж?

– Бог ты мой, да. И вечером мне надо вернуться, чтобы они ничего не заподозрили.

– Вы приехали поговорить с кем-то из полиции?

– Да. В общем, да.

– Я полицейский. Я работаю там.

Женщина взглянула на небрежно одетого Адамберга; казалось, она разочарована или не верит его словам.

– Значит, вы должны их знать?

– Да.

– Всех?

– Да.

Женщина открыла большую коричневую сумку с потертыми углами и, достав сложенный вчетверо лист бумаги, бережно развернула его.

– Господин комиссар Адамберг, – старательно прочитала она. – Вы его знаете?

– Да. Вы приехали откуда-то издалека, чтобы встретиться с ним?

– Из Ордебека, – произнесла она с усилием, словно ей было трудно в этом признаться.

– Не знаю, где это.

– Ну, в общем, это около Лизье.

Нормандка, подумал Адамберг, вероятно, именно поэтому из нее приходится все вытягивать клещами. Когда-то у него были знакомые нормандцы, и он потратил уйму времени, прежде чем приручил этих молчунов. Для них проронить несколько слов – все равно что выложить луидор, причем еще неизвестно, окупится ли такой расход. Продолжая разговор, Адамберг медленно прогуливался, вынуждая женщину следовать за ним.

– В Лизье тоже есть полицейские, – сказал он. – Наверно, они есть даже в Ордебеке. У вас же там есть жандармы, так?

– Они не станут меня слушать. А вот викарий из Лизье, который знаком с кюре из Мениль-Бошана, сказал, что здешний комиссар может меня выслушать. Поездка стоила дорого.

– Речь идет о чем-то важном?

– Ну да, конечно, это важно.

– Речь идет об убийстве? – допытывался Адамберг.

– Может, и об убийстве. Хотя нет. Просто некоторые люди скоро умрут. Я же должна предупредить полицию, верно?

– Некоторые люди скоро умрут? Им угрожали?

Присутствие этого человека немного успокаивало ее. Она была в ужасе от Парижа, а еще больше – от своего решения. Уехать потихоньку, обмануть детей. А вдруг поезд опоздает? И она не успеет на автобус? Этот полицейский разговаривал так мягко, он словно пел. Наверняка он не из их краев. Скорее, он с юга, невысокий, смугловатый, лицо впалое. Ему бы она рассказала свою историю, но викарий дал ей на этот счет строгие указания. Только комиссару Адамбергу, и никому другому. Викарий знает, что говорит, он ведь кузен бывшего руанского прокурора, а уж тот разбирается в полицейских. Викарий назвал ей фамилию Адамберга с большой неохотой, он считал, что об этом вообще не стоит рассказывать, и был уверен, что она не решится поехать в Париж. Но она не могла сидеть в своей норе, когда вокруг происходят события. Мало ли, вдруг с детьми что-то случится.

– Я могу говорить только с тем комиссаром.

– Я и есть тот комиссар.

Казалось, маленькая, хрупкая с виду женщина готова наброситься на него.

– Так почему вы сразу не сказали?

– Но я ведь тоже не знаю, кто вы.

– И не надо вам знать. А то назовешь свою фамилию – и потом ее повторяют все, кому не лень.

– Ну и что тут плохого?

– Неприятности, вот что. Фамилию никто не должен знать.

Патологическая склочница, решил Адамберг. Которую, возможно, в один прекрасный день найдут с двумя комками хлебного мякиша в горле. Но патологическая склочница была до смерти напугана каким-то конкретным фактом, и это обстоятельство настораживало Адамберга. Некоторые люди скоро умрут.

Они развернулись и пошли в сторону Конторы.

– Я только хотел вам помочь. Перед этим я какое-то время наблюдал за вами.

– А тот человек? Он с вами? Он тоже наблюдал за мной?

– Какой человек?

– Вон тот, с необычными волосами, в которых оранжевые пряди. Он с вами?

Адамберг нашел взглядом Вейренка: тот стоял в двадцати метрах от них, опершись спиной о косяк двери в Контору. Он не вошел в здание, он ждал снаружи, рядом с голубем, который тоже не двинулся с места.

– Этому человеку, – сказал Адамберг, – в детстве исполосовали голову ножом. И на местах, где остались шрамы, отросли вот такие волосы, рыжие. Не советую намекать ему на это.

– Я не хотела его обидеть, просто я не очень-то умею разговаривать. В Ордебеке я почти никогда не разговариваю.

– Это не беда.

– А вот дети у меня любят поболтать.

– Понятно.

«Да что такое с этим голубем, черт возьми? – вполголоса произнес Адамберг. – Почему он не улетает?»

Женщина утомила Адамберга своей нерешительностью, он оставил ее в покое и направился к голубю, а Вейренк тяжелым шагом пошел ему навстречу. Очень хорошо, пускай он ею займется, если, конечно, дело того стоит. Он отлично справится. Круглое лицо Вейренка располагало к доверию и становилось еще обаятельнее, когда его изредка освещала улыбка, изящно приподнимавшая губу с одной стороны. Это было явное преимущество, за которое Адамберг когда-то его возненавидел[2 - См.: Фред Варгас. Вечность на двоих.] и которое привело их к губительному противостоянию. Сейчас оба почти вытравили из памяти остатки былой вражды. Комиссар обхватил неподвижного голубя и приподнял, а в это время Вейренк размеренно шагал к нему: сзади шла маленькая, невесомая женщина, дыхание которой немного участилось. В сущности, она так старалась не привлекать к себе внимания, что Адамберг, пожалуй, и не заметил бы ее, если бы не цветастая блузка, обрисовывавшая ее фигуру. Быть может, без блузки она становилась невидимкой.

– Какой-то сукин сын связал ему лапы, – сказал комиссар, разглядывая перепачканную птицу.

– Вы и голубями занимаетесь? – без тени иронии спросила женщина. – Я тут видела стаю голубей, от них столько грязи.

– Но это не стая, – резко сказал Адамберг, – это просто голубь, единственный. Не совсем то же самое.

– Да, конечно, – согласилась женщина.

А она отзывчивая и в конечном счете сговорчивая. Может, он ошибся и ее не найдут с хлебным мякишем в горле. Может, она вовсе не патологическая склочница. Может, у нее и правда самые настоящие неприятности.

– Вы, значит, голубей любите? – спросила женщина.

Адамберг поднял на нее свои подернутые туманом глаза.

– Нет, – ответил он. – Но я не люблю сукиных детей, которые связывают им лапы.

– Да, конечно.

– Не знаю, есть ли эта игра в ваших краях, но здесь, в Париже, некоторые в нее играют. Поймать птицу и связать ей лапы тонкой веревочкой в три сантиметра длиной. После этого птица почти не может передвигаться, только крошечными шажками, и совсем не может взлететь. Она медленно умирает от голода и жажды. Вот такая вот игра. А я эту игру ненавижу, и я обязательно найду парня, который издевался над голубем.

Адамберг открыл широкую дверь и вошел в Контору, оставив женщину и Вейренка на улице. Женщина пристально разглядывала шевелюру лейтенанта, в которой среди темных, почти черных волос нагло сверкали рыжие пряди.

– Он правда будет возиться с этим голубем? – растерянно спросила женщина. – Но ведь его уже не спасти. У вашего комиссара на руках полно блох. Это признак, что у голубя уже нет сил ухаживать за собой.

Адамберг доверил голубя самой выдающейся личности в своей команде, лейтенанту Виолетте Ретанкур, не сомневаясь, что та сумеет выходить птицу. Если Ретанкур с этим не справится, значит не справился бы никто. Великанша недовольно поморщилась; это не предвещало ничего хорошего. Голубь был в ужасном состоянии; пытаясь освободиться от пут, он стер кожу на лапах, и теперь веревка врезалась в мясо. Организм истощен и обезвожен, ну ладно, посмотрим, что можно сделать, заключила Ретанкур. Адамберг покачал головой и на секунду сжал губы, как всякий раз, когда он сталкивался с жестокостью. А этот обрывок веревки был орудием жестокости.

Маленькая женщина вошла вслед за Вейренком и с инстинктивным почтением взглянула на громадную Ретанкур. А та ловко обернула птицу влажной тряпочкой. Чуть позже, сказала она Вейренку, надо будет заняться лапами,

попытать извлечь из них веревку. Оказавшись в широких ладонях Виолетты Ретанкур, голубь не шевелился. Он проявлял полную покорность, как сделал бы любой другой на его месте, проникнутый неясной тревогой и в то же время восхищением.

Женщина, немного успокоенная, зашла в кабинет Адамберга и села на стул. Она была такая хрупкая, что заняла только половину сиденья. Вейренк, усевшись в углу, разглядывал кабинет, который когда-то был ему так знаком. До принятия решения оставалось три с половиной часа. Впрочем, вопреки теории Адамберга, решение было уже принято, но он его еще не знал. Проходя через большую общую комнату, он поймал на себе враждебный взгляд Данглара, который рылся в бумагах. Данглар не любил не только его стихи, но и его самого.

III

Женщина наконец согласилась назвать свою фамилию, и Адамберг записал ее на первом попавшемся листке бумаги: эта небрежность посетительнице не понравилась. Похоже, комиссар вовсе не собирался заниматься ее делом.

– Валентина Вандермот, – повторил комиссар: он с трудом запоминал новые слова, особенно имена собственные. – И вы приехали из Ардебека.

– Из Ордебека. Это в департаменте Кальвадос.

– И у вас трое детей?

– Четверо. Три сына и дочь. Я вдова.

– Что случилось, мадам Вандермот?

Женщина опять открыла сумку и достала номер местной газеты. Слегка подрагивающими руками она развернула газету и положила на стол.

– С этим человеком беда случилась. Он исчез.

– Как его зовут?

– Мишель Эрбье.

– Это ваш друг? Или родственник?

– О нет. Совсем наоборот.

– Как это понять?

Адамберг терпеливо ждал ответа, для которого ей, очевидно, нелегко было подобрать слова.

– Я его ненавижу.

– А-а, очень хорошо, – сказал он и заглянул в газету.

Пока Адамберг вчитывался в коротенькую заметку, женщина бросала беспокойные взгляды, изучая стену то справа, то слева; никакой разумной причины для этого придирчивого осмотра Адамберг подыскать не мог. На женщину опять напал страх. Она боялась всего. Боялась города, боялась людей, боялась, что ее будут осуждать, боялась его. Адамберг все еще не понимал, почему она проделала такой долгий путь, чтобы поговорить с комиссаром полиции о Мишеле Эрбье, если она его ненавидела. Этот человек, пенсионер, страстный охотник, однажды уехал из дому на мопеде – и пропал. Через неделю после исчезновения жандармы решили осмотреть дом. Два морозильника, обычно набитые всевозможной дичью, были пусты, их содержимое валялось на полу. Больше там ничего не обнаружили.

– Я не могу в это вмешиваться, – извиняющимся тоном произнес Адамберг, отдавая ей газету. – Если этот человек исчез, его делом, как вы понимаете, должна заниматься местная жандармерия. И если вы что-то знаете, вам надо говорить с ними.

– Это невозможно, месье комиссар.

– У вас сложные отношения с местной жандармерией?

– То-то и оно. Вот почему викарий назвал мне вашу фамилию. Вот почему я решилась на эту поездку.

– А о чем вы, собственно, собирались мне рассказать, мадам Вандермот?

Женщина пригладила свою цветастую блузку, опустила голову. Когда на нее не смотрели, ей было легче говорить.

– О том, что с ним случилось. Или случится. Он либо уже умер, либо скоро умрет, если мы ничего не предпримем.

– По всей видимости, этот человек просто уехал, раз мопеда нет на месте. Не знаете, он взял с собой вещи?

– Ничего не взял, только одно ружье. У него их много.

– Ну, так он через какое-то время вернется, мадам Вандермот. Вы же знаете, мы не имеем права объявлять в розыск взрослого человека, если он не дает о себе знать всего несколько дней.

– Он не вернется. А если мопеда нет, это ничего не значит. Мопед нарочно забрали, чтобы его никто не искал.

– Вы говорите так потому, что ему угрожали?

– Да.

– У него есть враг?

– Матерь Божья, у него самый страшный враг, какой только может быть, комиссар.

– Вы знаете его имя?

– О господи, это имя, которое мы не должны произносить.

Адамберг вздохнул, не столько из жалости к себе, сколько из сочувствия к ней.

– По-вашему, Мишель Эрбье спасся бегством?

– Нет, он не в курсе. Но он наверняка уже мертв. Понимаете, его схватили.

Адамберг встал и, засунув руки в карманы, прошелся по кабинету.

– Мадам Вандермот, я твердо решил вас выслушать, я даже решил связаться с жандармерией в Ордебеке. Но я буду бессилён, если не пойму, в чем дело. Подождите секундочку.

Он зашел к Данглару, который был чернее тучи и все еще рылся в бумагах. Помимо миллиардов единиц прочей информации, в мозгу Данглара хранились фамилии почти всех начальников и заместителей начальников жандармерий и комиссариатов Франции.

– Данглар, вы не припомните, кто сейчас капитан жандармерии в Ордебеке?

– Это в департаменте Кальвадос?

– Да.

– Его зовут Эмери, Луи-Никола Эмери. Ему дали имя Луи-Никола в честь предка по материнской линии, Луи-Никола Даву, маршала Империи, командующего Третьим корпусом Великой армии Наполеона. Героя сражений под Ульмом, Аустерлицем, Эйлау, Ваграмом, герцога Ауэрштедтского и князя Экмюльского – по названию деревни Экмюль, возле которой он одержал одну из своих славных побед.

– Данглар, меня интересует наш современник, легавый из Ордебека.

– Я о нем и говорю. Его происхождение для него очень много значит, он постоянно всем об этом напоминает. А следовательно, он может быть высокомерным, горделивым, воинственным. Если не считать этого пунктика, он вполне симпатичный человек, проникательный и осторожный сыщик, пожалуй, даже чересчур осторожный. Ему лет сорок с небольшим. На прежнем месте

службы – кажется, в пригороде Лиона – он ничем не выделялся. А в Ордебеке о нем вообще забыли. Это очень тихое место.

Адамберг вернулся в кабинет, где женщина опять сверлила взглядом стены.

– Конечно, комиссар, такое трудно понять. Потому что, знаете ли, об этом запрещено говорить. Иначе могут быть ужасные неприятности. Скажите, эти стеллажи у вас хотя бы привинчены к стенам? А то, я смотрю, вы положили тяжелые папки наверх, а легкие вниз. Стеллажи могут не выдержать, упасть на кого-нибудь. Тяжелое надо всегда класть вниз.

Она боится полицейских, боится, что обрушатся книжные полки.

– А почему вы ненавидите Мишеля Эрбье?

– Его все ненавидят, комиссар. Это мерзкая скотина, и он всегда был такой. С ним никто не разговаривает.

– Может быть, этим объясняется его бегство из Ордебека.

Адамберг снова взялся за газету.

– Он холостяк, – произнес комиссар, – он на пенсии, ему шестьдесят четыре года. Почему бы не попытаться начать новую жизнь в другом месте? У него где-нибудь есть родственники?

– Он когда-то был женат. Теперь вдовец.

– Когда овдовел?

– Давно. Больше пятнадцати лет назад.

– Вы его встречаете время от времени?

– Никогда. Он живет не в самом Ордебеке, а малость на отшибе, так что случайно его не встретишь. И это всех устраивает.

– Но ведь соседи забеспокоились, когда он исчез.

– Да, Эбары. Это хорошие люди. Они видели, как он уехал примерно в шесть вечера. Они, знаете ли, живут по ту сторону дорожки. А его дом в пятидесяти метрах оттуда, в самой гуще Бигарского леса, недалеко от бывшей свалки. Там очень сыро.

– Почему они забеспокоились, если он уехал на мопеде?

– Потому что когда он уезжает, то всегда отдает им ключ от почтового ящика. А в этот раз нет. И они не слышали, как он вернулся. И ящик заполнен доверху, почта чуть не вываливается. Это значит, что Эрбье уезжал ненадолго, но что-то помешало ему вернуться. Жандармы говорят, что искали его по больницам, но его там нет.

– Когда они пришли осмотреть дом, содержимое морозильников было разбросано по всей комнате.

– Да.

– Зачем ему столько мяса? У него собаки?

– Он охотник и всю свою добычу кладет в морозильник. Он бьет много дичи и ни с кем не делится. – Женщина едва заметно вздрогнула. – Бригадир Блерио – он ко мне расположен, в отличие от капитана Эмери, – рассказал, что они там увидели. Это было ужасно, так он сказал. На полу валялась половина туши кабанихи с головой, а еще задние окорока олених, зайчихи, дикие поросята, молодые куропатки. И все это разбросано как попало. И к моменту, когда жандармы вошли туда, все это протухало уже несколько дней. При такой жаре от этой тухлятины может беда случиться.

Страх перед книжными полками и страх перед микробами. Адамберг взглянул на огромные олени рога, все еще лежавшие на полу кабинета и покрытые пылью. Кстати, этот великолепный дар он получил от одного нормандца.

– Зайчихи, оленихи. А он наблюдательный, ваш бригадир. Он что, сам охотник?

– Нет-нет. Мы сразу говорим «зайчиха» и «олениха», потому что знаем, какой он, этот Эрбье. Он безжалостный охотник, он просто изверг. Убивает только самок и детенышей, причем целыми выводками. Стреляет даже в беременных самок.

– Откуда вы знаете?

– Об этом все знают. Один раз Эрбье даже судили, когда он убил самку кабана с выводком совсем маленьких поросят. А еще он застрелил оленят. Вот ужас-то. Добычу он привлекает только по ночам. И точно могу сказать: уже давно никто не охотится вместе с ним. От него отвернулись даже те, кто бьет зверя, чтобы прокормиться. Эрбье исключили из охотничьего союза Ордебека.

– Значит, у него десятки врагов, мадам Вандермот.

– Ну, во всяком случае, к нему никто не ходит.

– Думаете, охотники надумали его убить? Так? Или, может, противники охоты?

– О нет, комиссар. Это был кто-то другой.

После недолгой передышки у женщины начался новый приступ страха. Но боялась она уже не стеллажей с папками. Адамберга сейчас интересовал только этот необоримый ужас, въевшийся в ее душу, а дело Эрбье явно не стоило того, чтобы тащиться сюда из нормандской глуши.

– Если вы ничего не знаете, – устало проговорил он, – или вам запрещено об этом говорить, то я не смогу вам помочь.

В дверном проеме майор Данглар энергично жестикулировал, пытаясь привлечь его внимание. Есть новости о восьмилетней девочке, которая убежала в Версальский лес после того, как разбила бутылку с соком о голову брата своего дедушки. Тот успел добраться до телефона и только потом потерял сознание. Адамберг дал понять Данглару и женщине, что его рабочий день заканчивается. На носу летние каникулы, через три дня в Конторе останется всего треть сотрудников, надо было побыстрее закрывать текущие дела. Женщина поняла, что у нее осталось совсем мало времени. В Париже все надо делать по-быстрому, викарий ее предупреждал, и хотя маленький комиссар был с ней приветлив и

терпелив, это ничего не меняет.

– Лина, моя дочь, – быстро проговорила она, – видела Эрбье. Она его видела за две недели и два дня до того, как он исчез. Она рассказала об этом хозяину, на которого работает, и в конце концов об этом узнал весь Ордебек.

Данглар опять разбирал папки с бумагами, на его высоком лбу обозначилась складка – знак недовольства. Майор видел Вейренка в кабинете у Адамберга. Какого черта он там делал? Он подпишет заявление? Вернется на службу? Решение надо было принять сегодня вечером. Данглар остановился у ксерокса и погладил огромного кота, разлегшегося на крышке, как будто прикосновение к мягкой шерсти могло его утешить. Причины его антипатии к Вейренку были постыдными. Какая-то глухая, неотступная, почти женская ревность, упорное нежелание подпускать этого человека к Адамбергу.

– Нам надо будет поторопиться, мадам Вандермот. Ваша дочь видела Эрбье и что-то навело ее на мысль, что он будет убит?

– Да. Он истошно вопил. И, кроме него, там было еще трое. И все это происходило ночью.

– Там была драка? Из-за олених и оленят? Во время какого-то собрания? Праздничного ужина охотников?

– О нет.

– Приходите завтра или послезавтра, – подвел итоги Адамберг, направляясь к двери. – Приходите, когда сможете говорить.

Хмурый Данглар ждал комиссара, сев на угол своего стола.

– Нашли девочку? – спросил Адамберг.

– Ребята обнаружили ее на дереве. Забралась на самую верхушку, как маленький ягуар. Держит в руках песчанку и ни за что не хочет отдавать. Песчанка выглядит отлично.

– Что такое песчанка, Данглар?

– Это такой маленький грызун вроде полевой мыши. Дети их обожают.

– А девочка? В каком она состоянии?

– Примерно в таком, как ваш голубь. Еле живая от голода, жажды и усталости. Сейчас она в больнице. Одна из сестер отказывается входить в палату из-за песчанки, которая юркнула под кровать.

– Девочка объяснила почему?

– Нет.

Данглар отвечал неохотно, думая о чем-то своем. День выдался неподходящий для болтовни.

– Она знает, что брат ее дедушки остался жив?

– Да. От этого известия она вроде бы испытала облегчение и одновременно разочарование. Они жили там вдвоем неизвестно с каких пор, и она ни разу не переступила порог школы. И мы теперь совсем не уверены, что он действительно брат ее дедушки.

– Ладно, отправим группу в Версаль для расследования. Скажите лейтенанту, который займется этим делом, чтобы он не убивал песчанку. Пускай ее посадят в клетку и кормят.

– Это так важно?

– Разумеется. Возможно, этот зверек – единственное, что у нее есть в жизни. Секундочку.

Адамберг торопливо направился в кабинет Ретанкур, которая как раз смачивала голубю лапы водой.

– Вы его продезинфицировали, Ретанкур?

– Не все сразу, – ответила Ретанкур. – Сначала надо было спасти его от обезвоживания.

– Отлично. Веревку не выбрасывайте, я хочу отдать ее в лабораторию. Жюстен уже договорился с экспертом, он сейчас придет.

– Он меня обкакал, – невозмутимо сообщила Ретанкур. – А что от вас нужно этой маленькой женщине? – спросила она, показывая на дверь кабинета.

– Ей нужно сказать мне нечто такое, чего она не хочет говорить. Это воплощенная нерешительность. Она уйдет сама либо ее выставят, когда будут закрывать помещение.

Ретанкур полупрезрительно пожала плечами: нерешительность была абсолютно чужда ее стилю поведения. Вот почему быстротой реакции она далеко превосходила всех остальных сотрудников Конторы, а их было двадцать семь человек.

– А Вейренк? Он тоже никак не может решиться?

– Вейренк решил уже давно. Легавый или учитель: что бы вы предпочли? Учительство – добродетель, которая нас озлобляет. Ловля преступников – порок, который вырабатывает в нас гордыню. А поскольку от добродетели отказаться легче, чем от порока, то выбора у нас нет. Я еду в Версаль, в больницу, пообщаться с так называемым братом дедушки.

– Что будем делать с голубем? Я не могу взять его домой, у моего брата аллергия на птиц.

– Брат живет у вас?

– Да, временно. Его выставили с работы, он украл в гараже ящик болтов и машинное масло.

– Сможете вечером принести его ко мне? В смысле, голубя?

– Смогу, – проворчала Ретанкур.

– Будьте осторожны, по саду бродят кошки.

Рука маленькой женщины робко легла ему на плечо. Адамберг обернулся.

– Той ночью, – медленно проговорила она, – Лина видела, как проехало Адское Воинство.

– Кто?

– Адское Воинство, – негромко повторила женщина. – И с ними был Эрбье. И он кричал. И трое остальных тоже.

– Это такое объединение? Организация, как-то связанная с охотой?

Мадам Вандермот недоверчиво взглянула на Адамберга.

– Адское Воинство, – произнесла она тихо-тихо. – Дикая Охота. Вы что, не слышали об этом?

– Нет, – сказал Адамберг, стойко выдерживая ее изумленный взгляд. – Зайдите в другой раз и объясните мне, что это такое.

– Неужели вы даже названия этого не слышали? «Свита Эллекена»? – прошептала она.

– Нет, к сожалению, – сказал Адамберг, входя вместе с ней в кабинет. – Вейренк, вы слышали про компанию ребят под названием «братское воинство»? – спросил он, засовывая в карманы ключи и телефон.

– Адское, – поправила женщина.

– Да. Дочь мадам Вандермот видела пропавшего в их компании.

– И не только его, – уточнила женщина. – Еще Жана Глайе и Мишеля Мортамбо. Там был и четвертый, но дочка его не узнала.

На лице Вейренка отразилось крайнее удивление, а затем его верхняя губа приподнялась в полуулыбке. Он был похож на человека, которому сделали неожиданный подарок.

– Ваша дочь правда это видела?

– Конечно.

– Где именно?

– Там, где оно проезжает в наших краях. На Бонвальской дороге, в Аланском лесу. Оно всегда проезжает там.

– Это напротив дома вашей дочери?

– Нет, она живет в трех с лишним километрах оттуда.

– Она специально пошла туда посмотреть на них?

– Нет, что вы. Лина девушка здравомыслящая, рассудительная. Просто она оказалась там, вот и все.

– Ночью?

– Оно всегда появляется ночью.

Адамберг вывел маленькую женщину из кабинета, предложив ей зайти завтра или позвонить в другой раз, когда у нее оформится более четкое представление обо всем этом. Вейренк, покусывая ручку, остановил его.

– Жан-Батист, – спросил он, – неужели ты не никогда не слышал об этом? Об Адском Воинстве?

Адамберг покачал головой и быстро пригладил пальцами волосы.

– Тогда спроси у Данглара, – не отставал Вейренк. – Эта тема его очень заинтересует.

– Почему?

– Потому что, насколько я знаю, это предвещает какие-то потрясения. Может быть, даже великие потрясения.

На лице Вейренка снова возникла полуулыбка, и вдруг, словно вдохновленный вторжением Адского Воинства, он поставил свою подпись под заявлением.

IV

Душным вечером, когда Адамберг вернулся домой – позже, чем рассчитывал, потому что с братом дедушки пришлось повозиться, – его сосед, старый испанец Лусио, шумно мочился на дерево в маленьком саду.

– Привет, *hombre*, – сказал старик, не прерывая своего занятия. – Тебя дожидается один из твоих лейтенантов. Такая большая толстая тетка, высокая и широкая, как шкаф. Ее впустил твой мальчишка.

– Это не большая толстая тетка, Лусио, это многоликая богиня.

– Ах, так это она? – сказал Лусио, застегивая ширинку. – Та, о ком ты все время рассказываешь?

– Да, она богиня. Поэтому она и не может быть похожа на других. Скажи, ты не знаешь, что такое Адское Воинство? Слышал когда-нибудь это название?

– Нет, *hombre*.

Лейтенант Ретанкур и сын Адамберга, Кромс – его настоящее имя было Армель, но комиссар еще не привык его так называть, поскольку познакомился с ним всего полтора месяца назад, – сидели и курили на кухне, склонившись над выложенной ватой корзиной. Они не обернулись, когда вошел Адамберг.

– Ну что, усек? – без церемоний спросила у молодого человека Ретанкур. – Размачиваешь кусочки сухаря, но только маленькие кусочки, и осторожно закладываешь ему в клюв. Потом закапываешь пипеткой несколько капель воды, только не надо вначале давать слишком много. В воду добавишь одну каплю из этого пузырька. Это тонизирующее.

– Живой пока? – поинтересовался Адамберг: странным образом он чувствовал себя чужим на собственной кухне, где хозяйничали могучая женщина и его почти незнакомый двадцативосьмилетний сын.

Ретанкур выпрямилась, уперев руки в боки.

– Не гарантирую, что он переживет эту ночь. Я целый час вытаскивала веревку, которая врезалась ему в лапки до самых костей, наверно, он бился несколько дней, пытаясь освободиться. Но кости целы. Я продезинфицировала раны, повязку надо менять каждое утро. Бинт вот здесь, – сказала она, стукнув по маленькой коробочке, стоявшей на столе. – Я обработала его средством от блох, так что они его беспокоить не будут.

– Спасибо, Ретанкур. Веревка в лаборатории?

– Да. С этим были трудности, ведь экспертам не платят за исследование веревок, которыми связывали лапы голубям. Кстати, он самец. Это сказал Вуазне.

Лейтенант Вуазне мог бы стать видным зоологом, если бы не властный отец, который, не слушая его возражений, определил его в полицию. Вуазне лучше всего разбирался в рыбах, морских и в особенности речных, его стол был завален журналами по ихтиологии. Но он много знал и о других представителях фауны, от насекомых до летучих мышей, включая также антилоп гну, и научные интересы отчасти отвлекали его от исполнения служебных обязанностей. Дивизионный комиссар, обеспокоенный подобным нарушением устава, сделал ему замечание, так же как в свое время лейтенанту Меркаде, который постоянно

спал на рабочем месте. А кто в Конторе без отклонений, спрашивал себя Адамберг. Разве что Ретанкур, но ее с такими способностями и энергией тоже нельзя было отнести к нормальным людям.

После ухода лейтенанта Ретанкур Кромс застыл, растерянно опустив руки и не сводя глаз с двери.

– Она произвела на тебя впечатление, верно? – спросил Адамберг. – Это бывает со всеми, кто видит ее в первый раз. И в другие разы тоже.

– Она очень красивая, – сказал Кромс.

Адамберг удивленно взглянул на сына: красота Виолетты Ретанкур явно не бросалась в глаза. Так же, как изящество, обаяние и любезность. Во всех отношениях она являла полную противоположность своему имени, которое в нашем представлении связано с чем-то чарующим, нежным и хрупким. Правда, черты лица у нее были тонкие, но все портили слишком пухлые щеки, мощная нижняя челюсть и бычья шея.

– Может, и красивая, – согласился Адамберг: он не хотел критиковать вкус молодого человека, которого знал так недавно.

Так недавно, что еще не задавался вопросом, умен ли он. А если да, то какой у него ум? Глубокий или поверхностный? Впрочем, было одно обстоятельство, которое успокаивало совесть комиссара. Он знал, что большинство людей и даже он сам редко когда задумываются о своем уме. Но если его не волнует собственный интеллектуальный уровень, надо ли волноваться насчет Кромса? Вейренк уверял Адамберга, что Кромс – способный молодой человек, но комиссар пока что не понял, какие именно у него способности.

– Ты когда-нибудь слышал о братском воинстве? – спросил Адамберг, бережно переставляя корзину с голубем на буфет.

– Чего? – отозвался Кромс, раскладывая столовые приборы – вилку справа, нож слева, по примеру отца.

– Ладно, забудь. Потом спросим об этом у Данглара. Вот одна из тех важных вещей, которые я объяснил твоему брату, когда ему было семь месяцев. И тебе бы объяснил, если бы знал тебя в этом возрасте. Есть три правила, Кромс, запомнишь их – и они всегда тебя выручат: если не можешь довести что-то до конца, обратиться к Вейренку. Если не удастся что-то сделать, обратиться к Ретанкур. А если чего-то не знаешь, обратиться к Данглару. Усвой хорошенько эту триаду. Правда, сегодня вечером Данглар будет в особенно мрачном настроении, и я не знаю, сможем ли мы от него чего-нибудь добиться. Вейренк возвращается в Контору, это ему не понравится. Данглар – изысканный цветок, и, как любая диковинка, он болезненно реагирует на дискомфорт.

Адамберг позвонил самому старшему из своих подчиненных, а Кромс между тем подал ужин. Тунец, приготовленный на пару с цуккини и помидорами, рис и фрукты. Кромс попросил у вновь обретенного отца разрешения какое-то время пожить в его доме, и они договорились, что сын за это возьмет на себя приготовление ужина. Условие необременительное, поскольку Адамбергу было, в общем-то, все равно, чем питаться, он мог до бесконечности есть одно и то же блюдо из макарон, так же как в любую погоду носил одну и ту же одежду – пиджак и черные хлопчатобумажные брюки.

– Данглар действительно знает все? – спросил молодой человек, нахмутив брови, кустистые, как у отца: брови Адамберга напоминали козырек, нависший над его затуманенным взглядом.

– Нет, есть очень много такого, чего он не знает. Он не знает, как найти себе жену, но два месяца назад у него появилась подружка, это грандиозное событие. Он не знает, где найти воду, зато моментально обнаруживает белое вино; не знает, как обуздать свои страхи и забыть о вопросах, на которые нельзя ответить сразу: таких вопросов у него целая куча и он без конца носится по этой куче взад-вперед, точно суслик по своей норе. Он не умеет бегать, не умеет смотреть, как идет дождь, как течет река, не умеет махнуть рукой на житейские заботы, более того: создает их себе заранее, чтобы они не застигли его врасплох. Но он знает все то, что на первый взгляд кажется бесполезным. В голове Данглара собраны библиотеки всего мира, и там еще осталось много свободного места. Это что-то колоссальное, небывалое, нечто такое, чего я не в состоянии тебе описать.

– Но если все это на первый взгляд никому не нужно?

– Значит, на второй или на пятый оно обязательно окажется нужным.

– Понятно, – сказал Кромс, похоже удовлетворенный ответом. – А я вот не знаю, что я знаю. Как ты думаешь, что я знаю?

– То же, что и я.

– А именно?

– Не знаю, Кромс.

Адамберг поднял руку, давая понять, что Данглар наконец ответил на звонок.

– Данглар? У вас дома все спят? Можете заскочить ко мне?

– Если вы насчет голубя, то об этом не может быть и речи. На нем полно блох, а у меня с блохами связаны скверные воспоминания. И мне не нравится, как выглядит блошиная голова под микроскопом.

Кромс взглянул на часы отца. Ровно девять. Виолетта велела кормить и поить голубя раз в час. Он размочил кусочки сухаря, набрал воды в пипетку, добавив каплю тонизирующего, и принялся за дело. Голубь сидел с закрытыми глазами, но принимал пищу и воду, которые Кромс вводил ему в клюв. При этом молодой человек осторожно приподнимал голубя, как его учила Виолетта. Эта женщина вызвала у него потрясение. Он даже не представлял себе, что на свете может быть такое существо. Он все еще видел ее большие руки, ловко управлявшиеся с птицей, короткие белокурые волосы, свесившиеся над столом, и завитки на мощном затылке, покрытом светлым пушком.

– За голубем ухаживает Кромс. И блох больше нет. Ретанкур решила эту проблему.

– Так в чем дело?

– Меня кое-что беспокоит, Данглар. Вы обратили внимание на маленькую женщину в цветастой блузке, которая приходила к нам незадолго до конца рабочего дня?

– Ну, предположим. Она почти невесомая, прямо-таки воздушная. Кажется, дунь на нее – и она улетит, как семянка одуванчика.

– Семянка?

– Плод одуванчика, у которого такой крохотный пушистый парашют. Вы в детстве никогда не дули на одуванчик?

– Разумеется. Все когда-то это делали. Только я не знал, что плод одуванчика называется семянка.

– Так он называется.

– Но эта женщина с пушистым парашютом буквально оцепенела от страха.

– Что-то я не заметил.

– Нет, правда, Данглар. Это смертельный ужас в чистом виде, исходящий из потайных глубин души.

– Она сказала вам, что ее пугает?

– Похоже, ей запрещено об этом говорить. Предположительно под страхом смерти. Но кое-что она мне прошептала. Ее дочь видела, как в лесу появилось братское воинство. Вы знаете, что она имела в виду?

– Нет.

Адамберг испытал жестокое разочарование, почти стыд, как если бы провел в присутствии сына неудачный эксперимент и не выполнил своего обещания. Перехватив тревожный взгляд Кромса, он знаком дал ему понять, что опыт еще не закончен.

– А Вейренк как будто знает, что это за история, – продолжал Адамберг, – он посоветовал обратиться к вам.

– Правда? – оживился Данглар: имя Вейренка подействовало на него так, что в кухню, казалось, влетел шмель. – А что вы ему дословно сказали?

– Что дочь этой женщины видела, как ночью появилось братское воинство, и в этой компании Лина – так ее зовут – увидела знакомого охотника и еще троих. Охотник пропал больше недели назад, и маленькая женщина считает, что он умер.

– Где? Где она его видела?

– На дороге, недалеко от своего дома. Это возле Ордебека.

– Ага, – сказал Данглар. Он пришел в возбуждение, как всякий раз, когда кому-то нужны были его познания, как всякий раз, когда у него появлялась возможность нырнуть в сокровищницу своего разума и всласть порезвиться там. – Так это Адское Воинство. Адское, а не братское.

– Прошу прощения.

– Она имела в виду именно это? Свиту Эллекена?

– Да, она произнесла что-то в этом роде.

– Дикую Охоту?

– Да, – сказал Адамберг и с торжествующим видом подмигнул Кромсу, словно рыбак, который подсек огромную рыбу-меч.

– И эта самая Лина видела с ними охотника?

– Совершенно верно. Кажется, он кричал. И трое других тоже. Очевидно, это небезобидная публика – женщина с пушистым парашютом склонна думать, что те четверо в опасности.

– Небезобидная? – Данглар коротко рассмеялся. – Не то слово, комиссар.

– Вот и Вейренк так сказал. Что из-за этих ребят нам грозят большие потрясения.

И снова Адамберг произнес имя Вейренка, произнес умышленно, не для того, чтобы обидеть Данглара, а чтобы помочь ему заново привыкнуть к присутствию лейтенанта с рыжими прядями, притупить у него чувствительность, впрыскивая это имя раз за разом малыми дозами.

– Только душевные потрясения, – понизив голос, сказал Данглар. – Это не катастрофа.

– Вейренк не смог объяснить подробнее. Заходите к нам, выпьем по стаканчику. Кромс тут для вас кое-что приготовил.

Данглар не любил сразу откликаться на просьбы Адамберга просто потому, что он каждый раз соглашался их выполнить и стыдился собственного безволия. Несколько минут ушло на уговоры, майор отказывался, Адамберг же, по опыту знавший, что он сопротивляется только для виду, настаивал.

– Беги, сын, – сказал Адамберг, закончив разговор. – Купи белого вина в угловом магазине. Только не робей, спроси самое лучшее, Данглара нельзя поить скверным вином.

– А я смогу выпить с вами этого вина?

Адамберг смотрел на сына долгим взглядом, не зная, что ответить. Кромс едва знал его, Кромсу было двадцать восемь лет, и он ни у кого не должен был спрашивать разрешения, а уж тем более у него.

– Конечно, – машинально ответил Адамберг. – Если не будешь напиваться, как Данглар, – добавил он, с удивлением осозная, что этот совет прозвучал совсем по-отцовски. – Деньги возьми на буфете.

И тут оба взглянули на корзину. Большую корзину для клубники, которую Кромс вычистил и превратил в мягкую постель для голубя.

– Как ты его находишь? – спросил Адамберг.

– Он весь дрожит, но дышит, – осторожно ответил сын.

Перед тем как выйти, молодой человек украдкой погладил голубя – легко, едва касаясь, провел пальцем по его перьям. «По крайней мере один талант у него есть, – подумал Адамберг, глядя вслед сыну, – он умеет гладить птиц, даже таких обыкновенных, грязных и уродливых, как эта».

V

– С этим мы быстро управимся, – сказал Данглар, и Адамберг не понял, что он имел в виду, Адское Воинство или вино: его сын принес всего одну бутылку.

Адамберг взял сигарету из пачки Кромса, и, как всегда, этот жест напомнил ему их первую встречу, смертельную угрозу, оказавшуюся блефом[3 - См.: Фред Варгас. Заповедное место.]. С того дня он опять начал курить, и чаще всего сигареты Кромса. Данглар приступил к первому стакану.

– Полагаю, женщина-одуванчик не захотела говорить об этом с капитаном ордебекских жандармов?

– Она отказывается иметь с ним дело.

– Вполне логично, потому что он бы ее не понял. Вы тоже, комиссар, можете впоследствии выкинуть все это из головы. Что известно о пропавшем охотнике?

– Что это безжалостный убийца, чтобы не сказать хуже, который истребляет самок и детенышей. Его исключили из местного союза охотников, никто не желает ходить с ним на охоту.

– Значит, это мерзкий тип? Жестокий? Кровожадный? – спросил Данглар, отпив вина.

– По-видимому, да.

– Тогда все сходится. Эта Лина живет в самом Ордебекке, так?

– Вроде так.

– Вам никогда не приходилось слышать о городке Ордебек? Там некоторое время жил один великий композитор.

– Речь сейчас не об этом, майор.

– Но это позитивный момент. Остальное куда менее приятно. Значит, Воинство показалось на Бонвальской дороге?

– Женщина упоминала это название, – удивленно ответил Адамберг. – Вы слышали наш разговор?

– Нет, просто это один из наиболее известных гримвельдов, он проходит через Аланский лес. Можете быть уверены, об этом знает каждый житель Ордебекка, и они часто обсуждают эту историю, притом что предпочли бы о ней забыть.

– Я не знаю, что такое гримвельд, Данглар. Объясните.

– Так называют дорогу, на которой показывается Свита Эллекена, или Адское Воинство, если этот вариант вам больше по душе, или же Дикая Охота. Лишь немногим мужчинам и женщинам доводится ее видеть. Один такой мужчина очень знаменит, и он тоже видел ее на Бонвальской дороге, как эта Лина. Зовут его Гошлен, и он священник.

Данглар сделал подряд два больших глотка и улыбнулся. Адамберг стряхнул пепел в нетопленный камин и стал ждать. Ехидная улыбка, собравшая складками дряблые щеки майора, не предвещала ничего хорошего, разве что давала понять: Данглар наконец-то очутился в своей стихии.

– Это случилось в начале января, в тысяча девяносто первом году. Ты удачно выбрал вино, Армель. Но нам его не хватит.

– В тысяча каком? – спросил Кромс, который придвинул табурет к камину и со стаканом в руках внимательно слушал майора.

– В конце одиннадцатого века. За пять лет до начала Первого крестового похода.

– Черт, – вполголоса произнес Адамберг, у которого вдруг возникло ощущение, что женщина из Ордебека, этот невесомый одуванчик, одурачила его как малолетку.

– Да, – кивнул Данглар. – Столько усилий – и все впустую, комиссар. Но вы все еще хотите понять, почему эта женщина так напугана? Хотите или нет?

– Может, и хочу.

– Тогда надо выслушать историю Гошлена. И нам понадобится еще одна бутылка, повторил он. – Нас ведь трое.

Кромс вскочил.

– Иду, – сказал он.

Адамберг заметил, что перед тем, как выйти, он опять осторожно провел пальцем по перьям голубя. Машинально комиссар, как и положено отцу, повторил: деньги на буфете.

Семь минут спустя Данглар, обрадованный появлением второй бутылки, вновь наполнил стакан и начал рассказывать историю Гошлена, но вдруг замолчал и уставился на низкий потолок кухни.

– Хотя, пожалуй, хроника Элинана де Фруамона, написанная в начале тринадцатого века, дает об этом более внятное представление. Подождите секунду, мне надо порыться в памяти, не каждый день я обращаюсь к этому тексту.

– Ладно, – растерянно произнес Адамберг.

Когда комиссар понял, что сейчас они погрузятся в пучину Средних веков и бросят Мишеля Эрбье на произвол судьбы, история маленькой женщины и ее

непреодолимого страха предстала перед ним в совершенно ином свете, и теперь он не знал, как с этим быть.

Он встал, плеснул вина и заглянул в корзину с голубем. Адское Воинство больше его не интересовало, а поведение невесомой мадам Вандермот он истолковал неверно. Она не нуждалась в нем. Это была просто безобидная сумасшедшая с навязчивой идеей, что на нее вот-вот обрушатся полки с книгами, в том числе и с хрониками XI столетия.

– Собственно, о происшествии рассказывает его дядя Эльбо, – уточнил Данглар, который теперь обращался к молодому человеку.

– Дядя Элинана де Фруамона? – спросил Кромс: он был весь внимание.

– Да, его дядя по отцу. Он рассказывает вот что: «Незадолго до полудня мы с моим слугой приближались к лесу. Он поскакал вперед, чтобы позаботиться о пристанище для меня, и вдруг услышал в лесу громкий шум, как бы ржание множества коней, звон оружия и крики бесчисленных воинов, бросающихся в атаку. Слуга в испуге повернул коня. Когда я спросил, почему он вернулся, он ответил: ни хлыстом, ни шпорами не мог я принудить лошадь скакать дальше, да и сам я так напуган, что не в состоянии продолжать путь. Воистину я услышал и увидел нечто ужасающее».

Данглар протянул руку к молодому человеку.

– Армель! – (Данглар категорически отказывался называть молодого человека Кромсом и очень осуждал комиссара за то, что он в разговоре с сыном употребляет эту кличку.) – Наполни мой стакан – и ты узнаешь, что увидела эта молодая женщина, Лина, узнаешь, чего она боится по ночам.

Кромс выполнил его просьбу с поспешностью ребенка, который хочет дослушать сказку, и снова уселся с ним рядом. Он рос без отца, и никто не рассказывал ему сказок. Его мать работала в ночную смену уборщицей на рыбозаводе.

– Спасибо, Армель. Далее слуга продолжал: «Весь лес был наводнен душами усопших и демонами. Я слышал, как они кричали: „Аркский прево уже у нас, а вскоре мы схватим и архиепископа Реймского!“ Тогда я сказал: „Начертаем на лбу крест и поедem дальше, с нами ничего не случится“».

– Это уже дядя Эльбо говорит?

– Верно. Затем он продолжает: «Когда мы въехали в лес, тени уже расплывались, но я слышал невнятные голоса, бряцание оружия и ржание коней, однако не мог разглядеть тени и расслышать голоса. Вернувшись домой, мы застали архиепископа при смерти, и он не прожил и двух недель со дня, когда мы услышали голоса. Из чего мы заключили, что он был унесен теми демонами. Ибо мы слышали, как они кричали, что схватят его».

– Это не совпадает с тем, что рассказала мать Лины, – негромко заметил Адамберг. – Она не говорила, что ее дочь слышала голоса или ржание или что она видела тени. Она видела только Мишеля Эрбье и еще троих вместе с людьми из этого Воинства.

– Просто мать не решилась рассказать все. И кроме того, в Ордебеке не нужно излагать подробности. Когда там кто-то говорит: «Я видел, как пронеслось Адское Воинство», все прекрасно понимают, о чем речь. Сейчас я обстоятельнее опишу вам Воинство, которое видела Лина, и вы поймете, как несладко ей приходится по ночам. Одно могу сказать точно, комиссар: в Ордебеке ей живется очень тяжело. Ее, разумеется, все избегают, шарахаются, как от зачумленной. Думаю, мать пришла к нам главным образом для того, чтобы защитить ее.

– А что она видит? – спросил Кромс, не выпуская изо рта сигареты.

– Понимаешь, Армель, Воинство, которое там шумит по ночам, порядком потрепанное. У лошадей и всадников на костях не осталось мяса, у некоторых нет руки или ноги. Это мертвое, полуистлевшее, истощено вопящее, беспощадное Воинство, для которого закрыты небеса. Представь, как оно выглядит.

– Угу, – согласился Кромс, снова наполняя стакан Данглара. – Майор, вы можете сделать перерыв на минутку? Сейчас десять, мне пора заняться голубем. Так мне велели.

– Кто велел?

– Виолетта Ретанкур.

– Выполняй.

Кромс старательно проделал необходимые манипуляции с размоченным сухарем, пузырьком с тонизирующим средством и пипеткой. Он уже научился лучше управляться со всем этим. Закончив кормление, он вернулся встревоженный.

– Ему не стало лучше, – грустно сказал он отцу. – Вот гад этот мальчишка!.

– Увидишь, я его найду, – мягко ответил Адамберг.

– Вы действительно хотите завести дело на парня, который искалечил голубя? – с некоторым удивлением спросил Данглар.

– Естественно, Данглар. Почему бы и нет?

Данглар, дождавшись, когда Кромс приготовится слушать, продолжил рассказ о темном Воинстве. Майора все больше поражало сходство отца с сыном: отсутствующий, без блеска и без цели взгляд, глаза с неразличимым, неуловимым зрачком. Правда, в глазах Адамберга иногда вдруг вспыхивал огонек, словно солнечный блик в бурых водорослях во время отлива.

– Адское Воинство всегда таскает с собой нескольких живых, мужчин или женщин, которые истощно вопят и жалуются, что их терзают демоны и жжет пламя преисподней. И свидетель обычно узнает этих людей. Так, например, Лина узнала охотника и трех его спутников. Пленники умоляют, чтобы какая-нибудь добрая душа исправила совершенное ими зло и тем самым избавила их от адских мук. Так говорит Гошлен.

– Нет, Данглар, – перебил Адамберг, – не надо про Гошлена. Хватит, у нас уже сложилось четкое и целостное представление.

– Но вы же сами просили, чтобы я приехал сюда и рассказал вам про Адское Воинство, – обиделся Данглар.

Адамберг пожал плечами. От этих историй его клонило в сон, и он предпочел бы, чтобы Данглар пересказал их вкратце. Но он знал, что майор просто купается во

всем этом, словно в бассейне, наполненном лучшим в мире белым вином. Особенно когда на него смотрит Кромс, смотрит с изумлением и восхищением. И хорошо уже то, что Данглар хотя бы на время забыл о своей затяжной хандре, сейчас он, казалось, был более или менее доволен жизнью.

– У Гошлена сказано следующее, – улыбаясь, продолжал Данглар, вполне сознававший, что Адамбергу надоело его слушать. – «Перед нами показалось огромное скопище людей. Они шли мимо, неся на плечах и на спине домашний скот, одежду, всевозможную утварь и прочее добро, которое обычно тащат с собой разбойники». Прекрасно написано, да? – с лучезарной улыбкой обратился он к Адамбергу.

– Замечательно, – рассеянно согласился Адамберг.

– Идеальное сочетание лаконизма и изящества. Не то что стихи Вейренка, тяжелые, как гири.

– Это не его вина, его бабушка обожала Расина. Когда он был маленький, она каждый день читала ему только Расина, и ничего другого. Потому что спасла эти томики из огня во время пожара в пансионе, где она воспитывалась.

– Лучше бы она спасла учебник хороших манер и натаскала внука по этому предмету.

Адамберг, не отвечая, смотрел на Данглара. Привыкание будет долгим. А в ближайшее время в Конторе предстоит поединок между коллегами, вернее – и в этом была одна из причин их вражды, – между двумя интеллектуалами-тяжеловесами.

– Ну да ладно, – продолжал Данглар. – У Гошлена сказано: «Все они горестно вопили и понуждали друг друга идти быстрее. Священник узнал в этой веренице многих своих соседей, умерших недавно, и услышал, как они жалуются, что терпят страшные мучения за свои дурные дела. А еще он увидел, – и тут мы подходим совсем близко к вашей Лине, – а еще он увидел Ландри. Разбирая тяжбы, Ландри руководствовался лишь собственной прихотью и выносил решение в пользу тех, от кого получал наиболее щедрые дары. Призванный быть слугой справедливости, он служил алчности и обману». И за это Ландри, виконт Ордебекский, был схвачен Адским Воинством. В те времена неправосудный

приговор считался таким же тяжким преступлением, как убийство. А сейчас на это никто не обращает внимания.

– Верно, – кивнул Кромс: похоже, он готов был согласиться со всем, что говорил майор.

– Однако, – продолжал Данглар, – несмотря на все меры, которые принял свидетель, вернувшись домой после этого ужасного видения, несмотря на бесчисленные мессы, которые он отслужил, живые люди, увиденные им тогда в плену у всадников, умерли неделю спустя. Или самое позднее – три недели. Обратите внимание, комиссар, это очень важно, если мы хотим разобраться в истории женщины-одуванчика: все, кого «схватило» Воинство, – негодяи, черные души, безжалостные эксплуататоры, судьи-взяточники либо убийцы. И в большинстве случаев их злодеяние не было раскрыто современниками. То есть осталось безнаказанным. Вот почему ими занимается Воинство. Вы не помните точно, когда Лина его видела?

– Больше трех недель назад.

– Ну, тогда сомнений быть не может, – спокойно произнес Данглар, глядя на свой стакан. – Тогда этот человек, конечно же, умер. Ушел со Свитой Эллекена.

– Со свитой? – не понял Кромс.

– С подручными, если тебе так больше нравится. Эллекен – это их хозяин.

Адамберг, заинтересовавшись, снова подошел к камину и оперся спиной о кирпичный столбик. Так, значит, Воинство обличает ненаказанных убийц. До него вдруг дошло, что люди из Ордебека, чьи имена назвала Лина, должно быть, здорово трусили. Что остальные жители городка, должно быть, начали наблюдать за ними, размышлять, прикидывать, взвешивать, в общем, задаваться вопросом, какое преступление они могли совершить. Сколько ни тверди: не верю, не верю, все равно ведь веришь. Мерзкая мысль находит себе лазейку. Она бесшумно продвигается по таинственным закоулкам разума, принимается, осматривается. Ее гонят прочь, она затихает, потом возвращается.

– Как умирают те, кого схватили? – спросил он.

– По-разному. От горячки или от руки убийцы. Если их не уносит скоротечная болезнь или несчастный случай, то исполнителем неотвратимого приговора Воинства становится существо из плоти и крови. То есть происходит убийство, но убийство, совершенное по воле Владыки Эллекена. Понимаете?

После двух стаканов вина, выпитых Адамбергом – а это случалось с ним редко, – от его недовольства не осталось и следа. Напротив, ему стало казаться, что пообщаться с женщиной, способной увидеть грозное Воинство, очень занятно, что такая возможность представляется не каждый день. И что реальные последствия такого видения могут быть ужасающими. Он налил себе еще полстакана и стащил сигарету из пачки сына.

– Это местная ордебекская легенда? – спросил он.

Данглар покачал головой:

– Нет. Свита Эллекена бродит по всей Северной Европе. По скандинавским странам, по Фландрии, по северным областям Франции, по Англии. Но всегда по одним и тем же дорогам. По Бонвальской дороге она носится уже тысячу лет.

Адамберг подтащил стул и уселся рядом, вытянув ноги; теперь все трое сидели кружком перед камином.

– При всем при том... – начал он, но вдруг запнулся: он часто обрывал фразу, не умея четко сформулировать мысль, которая позволила бы ее закончить.

Данглар никак не мог привыкнуть к туману, заволакивавшему мозги комиссара, к недостатку последовательности и систематичности в его рассуждениях.

– При всем при том, – подхватил майор, – нельзя исключать, что речь идет всего лишь о несчастной молодой женщине, неуравновешенной и подверженной галлюцинациям. И о ее запуганной матери, поверившей в их реальность настолько, чтобы обратиться за помощью к полиции.

– При всем при том эта женщина предупреждает о скорой смерти нескольких человек. А что, если Мишель Эрбье никуда не уезжал, что, если мы обнаружим его тело?

– Тогда ваша Лина окажется в очень скверной ситуации. Кто поручится, что это не она убила Эрбье? А потом сочинила целую историю, чтобы отвести от себя подозрения?

– То есть как это «отвести подозрения»? – улыбнулся Адамберг. – Неужели вы всерьез полагаете, что полиция будет рассматривать всадников Адского Воинства в качестве подозреваемых? По-вашему, это было бы очень умно с ее стороны – свалить вину на парня, который тысячу лет катается верхом в тех краях? И кого мы будем арестовывать? Командира Эннекена?

– Эллекена. Он – владетельный князь. И быть может, ведет свой род от самого Одина.

Данглар твердой рукой наполнил стакан.

– Забудьте, комиссар. Забудьте о безногих всадниках, а заодно и об этой Лине.

Адамберг потрянул головой в знак согласия, и Данглар осушил стакан. Когда он ушел, Адамберг прошелся по комнате, глядя в никуда.

– Помнишь, – сказал он Кромсу, – когда ты пришел в первый раз, тут не горела лампочка?

– Она и сейчас не горит.

– А если вкрутить новую?

– Ты же говорил, тебе не важно, горят лампочки или нет.

– Да, говорил. Но рано или поздно наступает момент, когда надо сделать шаг. Рано или поздно наступает момент, когда говоришь себе: я вкручу лампочку; когда говоришь себе: завтра я позвоню капитану жандармов в Ордебеке. И тогда надо просто сделать это.

– Но ведь майор Данглар правду сказал. Она же чокнутая, это ясно. Что ты собираешься делать с ее Адским Воинством?

– Меня беспокоит не Воинство, Кромс. Я не люблю, когда мне сообщают о предстоящих убийствах, кто бы и как бы об этом ни сообщал.

– Понял. Значит, я вкручу лампочку.

– Ты ждешь, когда будет одиннадцать, чтобы покормить голубя?

– Я останусь тут на ночь и буду кормить его каждый час. Буду дремать на стуле.

Кромс дотронулся до голубя кончиками пальцев.

– А он не слишком теплый при такой-то жаре.

VI

В четверть седьмого утра Адамберг проснулся оттого, что кто-то встряхнул его за плечо.

– Он открыл глаза! Иди посмотри. Скорее!

Кромс до сих пор не решил, как обращаться к Адамбергу. «Отец»? Слишком высокопарно. «Папа»? Но он уже не ребенок. «Жан-Батист»? Фамильярно и неуместно. Так что на данном этапе он вообще никак не называл Адамберга, и от пропуска нужного слова в его речи иногда возникали неловкие паузы. Зияющие пустоты. Но эти пустоты были убедительным свидетельством его отсутствия в жизни Адамберга, которое продлилось двадцать восемь лет.

Они спустились по лестнице и вдвоем склонились над корзиной. Да, голубю явно стало лучше. Кромс снял вчерашнюю повязку и продезинфицировал ему лапы, а комиссар тем временем сварил кофе.

– Как мы его назовем? – спросил Кромс, оборачивая лапы голубя тоненьким бинтом. – Если он выживет, надо будет дать ему имя. Нельзя же все время называть его «голубь». Может, назовем Виолеттой, как твою красотку-

лейтенантшу?

– Неподходящее имя. Никто не смог бы поймать Ретанкур и связать ей лапы.

– Тогда давай назовем его Эльбо, так звали одного из парней, о которых рассказывал майор. Как думаешь, он заглядывал в эту книгу, перед тем как прийти сюда?

– Наверняка заглядывал.

– Но все равно, как он смог все это запомнить?

– Не пытайся понять, Кромс. Если бы мы с тобой влезли в голову к Данглару и осмотрелись там, думаю, это впечатлило бы нас посильнее, чем самый крутой налет Адского Воинства.

Придя в контору, Адамберг первым делом заглянул в списки личного состава и позвонил капитану Луи-Никола Эмери в жандармерию Ордебека. Он представился и почувствовал, что на другом конце провода возникла заминка. Там перешептывались, о чем-то спрашивали, давали советы, недовольно ворчали, двигали стулья. Неожиданный звонок Адамберга часто вызывал панику у полицейских, каждый наскоро соображал, соединять ли его с начальством или отделаться под каким-нибудь предлогом. Наконец Луи-Никола Эмери взял трубку.

– Слушаю вас, комиссар, – сказал он с некоторой настороженностью.

– Капитан Эмери, я по поводу пропавшего, у которого вывернули на пол весь морозильник.

– Эрбье?

– Да. Есть новости?

– Абсолютно никаких. Мы осмотрели дом и хозяйственные постройки. Он не оставил следов.

Приятный голос, хотя, пожалуй, чересчур громкий и раскатистый; звучит уверенно и благожелательно.

– У вас что, особые причины интересоваться этим делом? – продолжал капитан. – Я был бы удивлен, если бы вы ни с того ни с сего вдруг увлеклись таким рядовым случаем, как исчезновение Эрбие.

– Я не увлекся. Просто мне стало любопытно, что вы собираетесь делать.

– Держаться в рамках закона, комиссар. Никто не подавал заявления с просьбой объявить его в розыск, значит его нельзя считать пропавшим. Эрбие уехал на собственном мопеде, и у меня нет никакого права устраивать за ним погоню. Он свободный человек, – не без пафоса произнес капитан. – Рутинную работу мы выполнили, в аварию на дороге он не попадал, его мопед нигде не был замечен.

– Что вы думаете о его отъезде, капитан?

– В сущности, ничего удивительного тут нет. Эрбие у нас недолюбливали, а многие даже откровенно ненавидели. История с морозильником, возможно, означает, что кто-то пришел к Эрбие и набросился на него с угрозами из-за его охотничьих подвигов, вы в курсе?

– Да. Он убивал самок и детенышей.

– Возможно, угрозы подействовали, Эрбие перепугался и дал деру. Или же у него случился нервный срыв, приступ раскаяния, он сам опустошил свой морозильник, бросил все и уехал.

– Действительно, почему бы и нет?

– Так или иначе, в наших краях у него не осталось ни одного друга. Все располагало к тому, чтобы начать жизнь сначала, на новом месте. Дом ему не принадлежит, он его снимал. А с тех пор, как он вышел на пенсию, платить за аренду становилось все труднее. Но владелец дома ни разу не подавал жалобу, поэтому у меня связаны руки. В общем, Эрбие просто смылся – вот мое мнение.

Эмери был общителен и готов сотрудничать, как и говорил Данглар, и все же Адамбергу казалось, что капитан воспринял его звонок высокомерно-насмешливо.

– Вполне возможно, что так оно и было, капитан. Скажите, Бонвальская дорога – это в ваших местах?

– Да, недалеко.

– Где она начинается и куда ведет?

– Начинается она у деревни Илье, примерно в трех километрах отсюда, потом пересекает часть Аланского леса. После Круа-де-Буа она меняет название.

– По ней кто-нибудь ездит?

– Днем ею можно пользоваться. Но никто не решается выезжать на нее ночью. Есть древние поверья, которые не утратили власть над людьми, вы же знаете, как это бывает.

– Вы ни разу не ходили туда просто так, ради интереса?

– Если это намек, комиссар Адамберг, то я отвечу вам намеком. Мне кажется, что у вас побывал человек из Ордебека.

– Да, капитан.

– Кто именно?

– Я не могу вам сказать. Одна обеспокоенная особа.

– Легко себе представить, о чем шел разговор. О шайке гребаных привидений, которую видела Лина Вандермот, если тут уместно слово «видеть». И в которой она якобы заметила Эрбье.

– Точно, – согласился Адамберг.

– Но вы ведь не попались на удочку, комиссар? Знаете, почему Лина видела с этим гребаным воинством именно Эрбье?

– Нет.

– Потому что она его ненавидит. Он бывший друг ее отца, возможно, единственный друг. Послушайтесь моего совета, комиссар, не связывайтесь с ними. Эта девица – психопатка, она такая с детства, здесь все про это знают. И все от нее шарахаются, от нее самой и всей ее полоумной семейки. Хотя они не виноваты. Скорее достойны сочувствия.

– Местные жители в курсе, что Лина видела Воинство?

– Ну еще бы. Она поделилась впечатлениями со своими родными и с шефом.

– А кто ее шеф?

– Она секретарь в адвокатской фирме «Дешан и Пулен».

– Кто распустил слух о происшествии?

– Все. Последние три недели это главная тема для разговоров. Конечно, здравомыслящие люди потешаются, а недалекие поддались панике. Только этого нам не хватало – чтобы Лина ради собственного развлечения пугала народ. Могу поручиться, что с тех пор никто не ходил по Бонвальской дороге. Даже здравомыслящие люди. А я тем более.

– Почему, капитан?

– Не думайте, будто я боюсь чего бы то ни было, – Адамбергу почудилось, что до него донесся властный голос маршала империи, – но мне совершенно не хочется, чтобы повсюду болтали, будто капитан Эмери верит в Адское Воинство. И, если позволите дать вам совет, комиссару Адамбергу это тоже не к лицу. Так что положите это дело под сукно. Тем не менее буду рад принять вас у себя, если вам по долгу службы доведется заглянуть в Ордебек.

Странный разговор, подумал Адамберг, кладя трубку, какой-то двусмысленный, словно бы принужденный. Эмери посмеялся над ним, хотя и вполне добродушно. Но согласился на его приезд, уже зная, что к комиссару приходил кто-то из Ордебека. Его сдержанность легко было объяснить. Мало радости, когда на подведомственной тебе территории живет одержимая, которой мерещатся призраки.

Контора понемногу наполнялась народом: как правило, Адамберг приходил на службу раньше времени. На секунду массивная фигура Ретанкур заполнила собой дверь и заслонила свет. Адамберг увидел, как она тяжелым шагом направляется к его столу.

– Голубь утром открыл глаза, – сказал он. – Кромс всю ночь его подкармливал.

– Хорошая новость, – только и сказала Ретанкур. Ее трудно было взволновать.

– Если он выживет, его будут звать Эльбо.

– Эль Бо? На каком это языке?

– Нет, «Эльбо» в одно слово. Это старинное имя. Был такой человек, чей-то там дядя или племянник.

– А, вот как, – отозвалась лейтенант, включая компьютер. – Вас хотят видеть Жюстен и Ноэль. Похоже, Момо Фитиль опять взялся за свое, но сейчас ущерб гораздо серьезнее. Машина сгорела дотла, как обычно, но в машине кто-то спал. По предварительным результатам экспертизы, это был пожилой мужчина. То есть мы имеем дело с непредумышленным убийством: на сей раз Момо не отделается шестью месяцами тюрьмы. Они начали расследование, но хотят получить от вас, что называется, программу действий.

Когда Ретанкур произносила последние слова, в ее голосе прозвучало что-то похожее на иронию. Она считала, что у Адамберга не бывает программы действий, а если смотреть шире, его манера вести расследование вообще неприемлема. Этот скрытый методологический конфликт длился с первого дня их совместной работы, но ни Ретанкур, ни Адамберг не делали никаких попыток разрешить его. И тем не менее Адамберг чувствовал к Ретанкур то инстинктивное обожание, какое язычник чувствовал бы к самому высокому

дереву в лесу. Единственному дереву, которое может дать надежное убежище.

Комиссар сел за стол рядом с Жюстеном и Ноэлем: они записывали самые последние данные о машине, сгоревшей вместе с пассажиром. Одиннадцатой машине, которую спалил Момо Фитиль.

– Мы оставили Меркаде и Ламара у дома, где живет Момо, в квартале Бют, – рассказывал Ноэль. – Машина сгорела в Пятом округе, на улице Анри Барбюса. Как обычно, это дорогостоящий «мерседес».

– Личность покойного установлена?

– Пока нет. Ни от его документов, ни от номеров автомобиля ничего не осталось. Сейчас ребята обследуют двигатель. Атаки на крупную буржуазию – это специальность Момо Фитиля. Он всегда поджигал машины в этом квартале, и нигде больше.

– Нет, – покачал головой Адамберг. – Это не Момо. Мы зря теряем время.

Вообще-то, пустая трата времени не пугала Адамберга. Он не ведал мучений, которые испытывают нетерпеливые люди, и потому с трудом подстраивался под лихорадочный, дерганный ритм работы своих подчиненных, а они никак не могли привыкнуть к его медленной раскатке. Адамберг не возводил это в принцип, а тем более в теорию, но ему казалось, что как раз в моменты, когда следствие движется еле-еле, совершаются самые важные открытия. Так самые ценные жемчужины порой находят не в открытом море, а в тихих бухточках, в расселинах скал. По крайней мере, он находил их именно там.

– Это точно он, – настаивал Ноэль. – Старик, очевидно, сидел в машине и ждал кого-то. Было темно, он задремал и сполз с сиденья. В лучшем случае Момо Фитиль его не заметил. А в худшем заметил и все равно спалил машину. Вместе с пассажиром.

– Это не Момо.

Адамберг как сейчас видел лицо молодого человека, умное, решительное, с тонкими чертами, затененное шапкой курчавых черных волос. Он сам не знал,

почему запомнил Момо, почему ему нравился этот парень. Пока ему докладывали, он позвонил в справочную, чтобы узнать расписание дневных поездов на Ордебек – его машина была в ремонте. Маленькая женщина больше не приходила, и комиссар предположил, что она, не справившись со своей миссией, в тот же день вернулась в Нормандию. Наверно, когда она поняла, что комиссар никогда не слышал об Адском Воинстве, остатки ее мужества развеялись как дым. А ведь мужество у нее все же было – иначе вряд ли бы она решилась беседовать с полицейским о тысячелетней армии демонов.

– Комиссар, он сжег уже десять автомобилей, ему присвоили боевую кличку. В квартале, где он живет, им все восхищаются. И теперь он решил показать, что это для него не предел, что он способен на большее. В его представлении от ненавистных «мерседесов» до тех, кто их водит, всего только шаг.

– Гигантский шаг, Ноэль, и он никогда его не сделает. Я познакомился с ним во время двух его предыдущих задержаний. Момо не подожжет машину, пока не убедится, что она пуста.

В Ордебек не было железнодорожной станции, придется сойти с поезда в Сернэ и сесть на автобус. Он доберется до места только к пяти часам – довольно-таки долгое путешествие ради короткой пешей прогулки. Летом темнеет поздно, так что он вполне успеет пройти засветло все пять километров Бонвальской дороги. Если бы какой-то неизвестный убийца решил использовать безумие Лины к своей выгоде, то спрятал бы тело именно там. Адамберг смутно понимал, что у него есть обязательства перед маленькой женщиной; он затруднился бы объяснить, в чем они заключаются, однако не мог их не выполнить. И все же не одно лишь чувство долга заставляло его отправиться в путь. Это было спасительное бегство. Он представлял себе запах лесной дороги, густую тень под деревьями, мягкий ковер из опавшей листвы под ногами. Разумеется, он мог бы послать в лес одного из своих бригадиров, мог бы даже убедить капитана Эмери завернуть туда. Но за утро у него созрело решение обследовать лес самому: для этого не было конкретных причин, только ощущение, что несколько жителей Ордебек находятся в большой опасности. Он убрал телефон и сосредоточился на разговоре с лейтенантами.

– Вам надо всерьез заняться стариком, который сгорел в машине, – сказал он. – В этом квартале Пятого округа у Момо такая репутация, что на него можно навесить убийство, имитировав его методы – они ведь у него нехитрые. Все, что нужно убийце, – это бензин и фитиль. Он делает вид, что уходит, и просит

старика его подождать, потом тихонько подкрадывается в темноте и поджигает машину. Выясните, кто убитый, хорошо ли он видел и слышал. И разыщите водителя, то есть человека, с которым старик чувствовал себя в безопасности. Это не должно занять много времени.

– Но мы все-таки выясним, есть ли алиби у Момо?

– Выясняйте. Но сначала отправьте на экспертизу остатки бензина, пускай установят октановое число и все прочее. Момо использует топливо для мопеда, которое он сильно разбавляет маслом. Состав этой смеси есть в его досье, можно будет проверить. Сегодня после обеда меня не будет, – добавил он, вставая с места, – я уезжаю на весь вечер.

«Куда?» – спросил его взглядом тощий Жюстен.

– У меня встреча в лесу с группой немолодых всадников. Это не надолго. Передайте остальным. Где Данглар?

– У автомата с напитками, – ответил Жюстен, указывая пальцем на верхний этаж. – Он носил кота к миске, сегодня его очередь.

– А Вейренк?

– В противоположном конце здания, – с ехидной улыбкой произнес Ноэль.

Адамберг действительно обнаружил Вейренка в кабинете, который находился дальше всего от большой общей комнаты. Вейренк стоял, прислонясь спиной к стене.

– Вот, вникаю, – сказал он, кивнув на стопку досье. – Смотрю, что вы тут наворотили в мое отсутствие. Кот вроде бы потолстел, Данглар тоже. Он выглядит лучше.

– А как ему не потолстеть? Он же весь день валяется на ксероксе, рядом со столом Ретанкур.

– Ты говоришь о коте. Но если бы его не носили к миске, он, возможно, решился бы передвигаться.

– Мы пробовали, Луи. Но через четыре дня эксперимент пришлось прекратить, иначе бы он умер с голоду. На самом деле он может передвигаться. Когда Ретанкур нет на месте, он без проблем слезает с пьедестала и устраивается на ее стуле. А что касается Данглара, то он нашел себе новую подружку, когда ездил на конференцию в Лондон.

– Ах вот в чем дело. Но сегодня утром, когда он увидел меня, то в знак протеста весь скукожился. Ты спрашивал его про Адское Воинство?

– Да. Это что-то очень давнишнее.

– Очень, – с улыбкой подтвердил Вейренк. —

За дверью крепкою, с увесистым замком,

Давнишние дела починут мертвым сном,

Но если двери той посмеешь ты коснуться,

Давнишние дела, на горе нам, проснутся.

– Я и не касаюсь, просто хочу прогуляться по Бонвальской дороге.

– Это гримвельд?

– Да, тот, что возле Ордебека.

– Ты говорил Данглару об этой маленькой экспедиции?

Беседуя с Адамбергом, Вейренк тюкал по клавиатуре компьютера.

– Да, и он весь скукожился в знак протеста. Рассказывать про Адское Воинство доставляло ему огромное удовольствие, но он категорически не желает, чтобы я отслеживал этих ребят.

– Он говорил тебе о «схваченных»?

– Да.

– Так имей в виду – если рассчитываешь найти именно это, – что тела «схваченных» крайне редко остаются лежать на гримвельде. Покойников находят или просто-напросто у них дома, или на месте поединка, или в колодце, а еще возле бывших храмов. Известно ведь, что заброшенные церкви притягивают нечистую силу. Стоит оставить святое место в небрежении, там воцаряется Зло. Иначе говоря, тех, кто был схвачен Адским Воинством, доставляют в логово дьявола.

– Логично.

– Взгляни, – сказал он, указывая на экран компьютера. – Это карта Аланского леса.

– Вот тут, – сказал Адамберг, проводя пальцем по линии на карте, – та самая дорога.

– А вон там – часовня Святого Антония Аланского. А здесь, с другой стороны, ближе к югу, – придорожное распятие. Ты сможешь осмотреть и то и другое. Надень крест, чтобы уберечься.

– У меня в кармане камешек из реки.

– Этого вполне достаточно.

VII

В Нормандии температура была на шесть градусов ниже, и как только Адамберг вышел из здания автовокзала, он затряс головой, чтобы ощутить дуновение свежести на затылке и за ушами: так лошадь мотает мордой, отгоняя слепней. Он обошел Ордебек с севера и через полчаса ступил на Бонвальскую дорогу – ее название было написано от руки на старом деревянном дорожном указателе.

Дорога оказалась узкой, а он представлял ее себе широкой, наверное, потому, что рассказ о сотнях всадников в рыцарских доспехах вызывал в воображении величественную аллею под густолиственным сводом из ветвей старых буков. Однако в реальности дорога была куда скромнее: две колеи, разделенные продолговатым, поросшим травой холмиком, а по бокам – сточные канавки, в которых буйно разрослись ежевика, молодые побеги вяза и орешника. Из-за аномальной жары на кустах ежевики было уже много созревших ягод, и Адамберг стал собирать их, продвигаясь по лесной тропе. Он шел медленно, обшаривал взглядом обочины и не спеша поедая ягоды, которые держал в горсти. Вокруг него вились мухи, садились ему на лицо, чтобы высосать пот.

Каждые три минуты он останавливался и пополнял запас ежевики, обдирая старую черную рубашку о колючки. На середине пути он остановился как вкопанный, сообразив, что забыл оставить сообщение Кромсу. Он так долго жил один, что привычка предупреждать о своих отлучках давалась ему с трудом. Он набрал номер Кромса.

– Эльбо встал на ноги, – доложил ему сын. – И сам поклевал зернышки. Только потом он нагадил на стол.

– Это признак, что он возвращается к жизни. Застели стол куском пластика, его полно на чердаке. Я вернусь только вечером, Кромс, я сейчас на Бонвальской дороге.

– И ты их видишь?

– Нет, пока еще слишком светло. Я смотрю, не лежит ли где убитый охотник. По этой дороге три недели никто не ходил, тут полно ежевики, она поспела раньше срока из-за жары. Если позвонит Виолетта, не говори, где я, ей это не понравится.

– Ясное дело, – отозвался Кромс, и Адамберг подумал, что у этого парня более чуткая душа, чем можно подумать, если судить по внешности. Так, по крохам, он накапливал информацию о своем сыне.

– Лампочку на кухне я вкрутил, – добавил Кромс. – На лестнице тоже лампочка перегорела. Вкрутить?

– Да, только не слишком яркую. Не люблю, когда все видно.

– Встретишь Адское Воинство – позвони.

– Это вряд ли. Если они проедут, сотовая связь прервется. От столкновения двух временных пластов.

– Наверняка, – согласился молодой человек перед тем, как закончить разговор.

Адамберг прошел еще восемьсот метров, оглядывая обочины дороги. Он нисколько не сомневался, что Эрбье мертв, это был единственный пункт, в котором его мнение совпадало с мнением мадам Вандермот, женщины-одуванчика. Он вдруг осознал, что уже забыл, как называются летучие семена этого растения.

Впереди на дороге виднелась фигура человека, Адамберг сощурился, стараясь ее разглядеть, и замедлил шаг. На стволе поваленного дерева сидела очень высокая женщина, такая старая и костлявая, что Адамберг подумал: только бы не напугать ее.

– Хэллоу! – приветствовала старуха подошедшего Адамберга.

– Хэллоу! – удивленно отозвался Адамберг.

«Хэллоу», наряду с «йес» и «ноу», было одним из немногих известных ему английских слов.

– Долго же вы шли от вокзала, – заметила она.

– Я собирал ежевику, – объяснил Адамберг, не понимая, как такой уверенный голос может исходить из такого иссохшего тела. Иссохшего, но сохранившего силу. – Вы знаете, кто я?

– Ну, не совсем. Лионель видел, как вы сошли с парижского поезда и сели на автобус. Бернар сказал об этом мне, и наконец я вижу вас здесь. А в теперешние времена и при таких делах вы, скорее всего, должны быть полицейским из города, и никем больше. В воздухе потянуло гнилью. Учтите, однако, что Мишель

Эрбье – небольшая потеря.

Старая женщина шумно засопела и провела тыльной стороной ладони под своим большим носом, вытирая каплю.

– Так вы ждали меня?

– Нет, молодой человек, я жду моего пса. Он втюрился в сучку с фермы Лонж, это вон там. Если я не привожу его сюда, чтобы он мог с ней повязаться, у него сдают нервы. Рену, фермер из Лонж, от этого в ярости, мне, говорит, не нужен полный двор приبلудных щенков. Но что тут поделаешь? Ничего. А я еще подцепила летний грипп и десять дней не могла приводить его сюда.

– Не боитесь ходить одна по этой дороге?

– А чего мне бояться?

– Адского Воинства, – закинул удочку Адамберг.

– Да бросьте вы, – она покачала головой. – Во-первых, сейчас светло, а во-вторых, я его не вижу. Это дано не всякому.

Прямо над головой долговязой старухи Адамберг увидел огромную спелую ягоду, но не решился побеспокоить ее ради этого. Надо же, подумал он, стоит сделать двадцать шагов по лесу, и в тебе оживает инстинкт собирателя. Ведь если вдуматься, именно процесс собирания нас завораживает. А сама по себе ежевика – не такое уж лакомство.

– Меня зовут Леона, – представилась женщина, снова вытерев рукой под носом. – Но все называют меня Лео.

– Жан-Батист Адамберг, комиссар парижской криминальной полиции. Рад был познакомиться, – вежливо добавил он. – А теперь пойду дальше.

– Если вы ищете Эрбье, то там вы его не найдете. Он лежит распластанный в луже своей черной крови, в двух шагах от часовни Святого Антония.

– Он мертв?

– Да, и давно. Плакать по нему, конечно, не будут, но зрелище малоприятное. Тот, кто это сделал, не церемонился, от лица почти ничего не осталось.

– Его нашли жандармы?

– Нет, молодой человек, это я его нашла. Я часто захожу в часовню, чтобы поставить там цветы, не хочется, чтобы святой Антоний был заброшен. Святой Антоний – защитник животных. У вас есть зверюшка?

– Больной голубь.

– Тогда это очень кстати. Как войдете в часовню, подумайте о вашем голубе. А еще святой Антоний помогает находить потерянные вещи. Я вот стала старая и постоянно теряю то одно, то другое.

– Вам не было страшно? Вы же увидели труп?

– Нет, когда ты этого ждешь, то уже не так страшно. Я ведь знала, что его убили.

– Потому что слышали про Воинство?

– Потому что мне много лет, молодой человек. Здесь даже птица не может снести яйцо так, чтобы я об этом не узнала или не догадалась. Вот, например, вы можете быть уверены, что прошлой ночью на ферме Девенэ лис слопал курицу. У него нет одной лапы и хвост куцый.

– У фермера?

– У лиса, я видела его помет. Но поверьте моему слову, он не пропадет, хоть и трехлапый. В прошлом году в него втюрилась синица. Я такое видела первый раз в жизни. Она жила у него на спине, и ему даже мысль не приходила ее съесть. Правда, с остальными синицами он поступал иначе. В мире есть масса разных деталей, вы замечали это? А поскольку каждая деталь постоянно меняет свою форму и приводит в действие другие детали, все имеет последствия, в том числе

и отдаленные. Если бы Эрбье остался жив, он в конце концов убил бы лиса, а заодно и синицу. И это вызвало бы самую настоящую войну на муниципальных выборах. Но я не в курсе, вернулась ли синица к лису в этом году. Вот невезение.

– Жандармы уже прибыли на место преступления? Вы им сообщили?

– А разве я могла сообщить? Мне надо сидеть здесь и ждать моего пса. Если вам это к спеху, позвоните им сами.

– Думаю, это не лучший вариант, – сказал Адамберг после минутной паузы. – Жандармы не любят, когда ребята из Парижа лезут в их дела.

– Зачем вы тогда приехали?

– Потому что ко мне приходила одна здешняя жительница. Вот я и заехал к вам.

– Мамаша Вандермот? Конечно, она боится за своих деток. С другой стороны, лучше бы ей держать язык за зубами. Но эта история так ее изводит, что она не выдержала и поехала просить помощи.

Из кустов с тьяканьем выскочил большой пегий пес с длинными обвислыми ушами, подбежал к хозяйке, положил голову на ее длинные худые ноги и закрыл глаза, словно в знак благодарности.

– Хэллоу, Лод, – сказала она, вытирая нос, в то время как пес терся мордой о ее серую юбку. – Видите, какой он довольный.

Лео достала из кармана сахар и засунула в пасть псу. После чего Лод, ошалев от любопытства, завертелся вокруг Адамберга.

– Хватит, хватит, Лод, – сказал Адамберг, похлопывая его по спине.

– Вообще-то, его полное имя Лодырь. С самого детства это лентяй, каких свет не видал. Всегда находятся люди, которые говорят, что он умеет только одно – сношаться с кем ни попадя. А я скажу так: это лучше, чем кусать всех подряд.

Старуха встала, распрямив во весь рост свое костлявое тело, и оперлась на две палки.

– Если вы идете домой, чтобы позвонить жандармам, – спросил Адамберг, – вы позволите мне пойти с вами?

– Почему бы и нет, я люблю компанию. Но топаю я не очень-то быстро, мы доберемся только через полчаса, если пойдем лесом. Раньше, когда еще был жив Эрнест, я переделала ферму в гостиницу. Мы предлагали ночлег и завтрак. Тогда здесь в любое время жили постояльцы, много молодежи. Было весело, оживленно. А двенадцать лет назад мне пришлось все ликвидировать, и теперь в доме стало грустно. Поэтому когда я нахожу себе компанию, то не отказываюсь. Что это за жизнь, если поговорить не с кем.

– Считается, что нормандцы не очень-то разговорчивы, – отважился заметить Адамберг, шагая за старой женщиной, от которой шел легкий запах лесного костра.

– Нельзя сказать, что они неразговорчивы, просто они не любят отвечать на вопросы. А это не одно и то же.

– Как же вы поступаете, если надо о чем-то спросить?

– Как-то выкручиваемся. Вы пойдете со мной в гостиницу? Собака проголодалась.

– Да, пойду. В котором часу будет вечерний поезд?

– Вечерний поезд, молодой человек, ушел четверть часа назад. Правда, есть еще поезд из Лизье, но последний автобус отходит через десять минут, и вы на него точно не успеете.

Адамберг не предвидел, что ему придется заночевать в Нормандии, он взял с собой только немного денег, удостоверение личности и ключи от дома. Адское Воинство поймало его в западню. А старуха, которую это совершенно не беспокоило, бодро пробиралась между деревьями, опираясь на свои палки. Она была похожа на кузнечика, перепрыгивающего через корни.

– В Ордебеке, наверно, есть гостиница?

– Это не гостиница, это свинарник, – заявила старуха своим звучным голосом. – Но в любом случае сейчас там ремонт. У вас, надо думать, есть тут знакомые, которые пустят переночевать.

Нежелание задать вопрос напрямую: Адамберг уже знал эту особенность нормандцев, она создавала ему проблемы, когда он вел расследование в деревне Аронкур[4 - См.: Фред Варгас. Вечность на двоих.]. Как и Лео, жители Аронкура вместо вопроса произносили то или иное утверждение, с которым собеседник соглашался либо не соглашался, и таким образом получали ответ.

– Надо думать, вы все же собираетесь где-то заночевать, – продолжала она в том же духе. – Побыстрее, Лод. Ему обязательно надо напи?сать на каждое дерево.

– Мой сосед такой же, – сказал Адамберг, вспомнив Лусио. – Нет, я тут никого не знаю.

– Вы, конечно, можете спать на сеновале. Сейчас у нас аномальная жара, но утром все-таки немножко покапало. А вы, надо думать, родом не из этих мест.

– Я из Беарна.

– Это где-то к востоку отсюда.

– К юго-западу, недалеко от испанской границы.

– Но вы, мне кажется, уже бывали в наших краях.

– У меня есть друзья в аронкурском кафе.

– В Аронкуре? В департаменте Эр? В кафе, которое около вокзала?

– Да. У меня там друзья. Самого близкого зовут Робер.

Лео вдруг остановилась, и Лод воспользовался этим, чтобы пометить еще одно дерево. Затем она снова двинулась в путь и еще метров пятьдесят что-то бормотала себе под нос.

– Этот парнишка, Робер, – мой родственник, – сказала она наконец, все еще не опомнившись от удивления. – Славный парнишка.

– Он подарил мне оленьи рога. Я и сейчас держу их у себя в кабинете.

– Раз он это сделал, значит он вас ценит. Оленьи рога не дарят первому встречному чужаку.

– Надеюсь, что так.

– Мы ведь говорим о Робере Бине?

– Да.

Адамберг прошагал еще сотню метров вслед за старухой. Теперь среди поваленных деревьев проглядывали следы когда-то проходившей здесь дороги.

– Раз вы друг Робера, это другое дело. Можете остановиться «У Лео», если у вас нет других планов. «У Лео» – это значит у меня. Так называлась моя гостиница.

Старая женщина скучала и звала его в гости. Это он понял сразу, но затруднялся с ответом. Впрочем, как он сказал Вейренку, еще до принятия решения мы знаем, каким оно будет. Ему негде было остановиться, а эта грубоватая старуха ему нравилась. Хоть он почувствовал себя словно в западне, будто Лео все подстроила заранее.

Через пять минут он увидел бывшую гостиницу – длинное одноэтажное здание, чудом продержавшееся на своем деревянном каркасе два века, а то и больше. Внутри там все оставалось таким, каким, по-видимому, было несколько десятков лет назад.

– Усаживайтесь на банкетку, – сказала Лео, – сейчас будем звонить Эмери. Он парень не злой, совсем даже наоборот. Иногда он начинает важничать, потому

что один его предок был маршалом при Наполеоне. Но вообще-то, мы его любим. Только вот профессия наложила на него свой отпечаток. Если человек привык никому не доверять, если ему постоянно приходится кого-то наказывать, он от этого лучше не становится. С вами, надо думать, происходит то же самое.

– Да, наверное.

Лео подтащила табурет к старомодному телефонному аппарату.

– С другой стороны, – вздохнула она, набирая номер, – полиция – это неизбежное зло. А во время войны это было зло в чистом виде. Можно не сомневаться, что Адское Воинство утатило кое-кого из тогдашних полицейских. Сейчас мы разведем огонь, он освежит воздух. Надо думать, вы умеете топить камин. Дровяной сарай во дворе, как выйдете, налево. Хэллоу, Луи, это Лео.

Когда Адамберг вернулся с охапкой дров, Лео оживленно беседовала с Эмери, и было ясно, что она взяла над ним верх. Решительным жестом она протянула комиссару допотопные наушники.

– Да потому, что я всегда приношу цветы святому Антонию, ты это знаешь. Послушай, Луи, ты же не станешь ко мне цепляться из-за того, что я нашла труп? Если бы ты шевелился, а не сидел на месте, то нашел бы его сам и у меня бы не было проблем.

– Не заводись, Лео, я тебе верю.

– Его мопед тоже там, спрятан в орешнике. По-моему, дело было так: ему назначили встречу, и он сунул свой велик в кусты, чтобы не украли.

– Я еду туда, Лео, а на обратном пути загляну к тебе. Ты ведь еще не ляжешь спать в восемь часов?

– В восемь часов я заканчиваю ужин. И я не люблю, когда меня беспокоят за едой.

– Тогда в полдевятого.

– Нет, я не согласна, у меня гостит родственник из Аронкура. Пускать сюда жандармов в вечер его приезда – это некрасиво. К тому же я устала. В мои годы мне уже не по силам топать через лес.

– Вот я и не могу понять, с чего это ты потопала в часовню.

– Я уже сказала. Чтобы принести цветы.

– Ты всегда говоришь только малую часть того, что знаешь.

– Остальное тебе было бы неинтересно. Ты лучше отправляйся туда поскорее, пока его не обгрызли звери. А если хочешь повидаться со мной, приходи завтра.

Адамберг повесил трубку и стал разжигать огонь.

– Луи-Никола не пойдет мне наперекор, – объяснила Леона, – я спасла ему жизнь, когда он был еще совсем маленький. Этот негодный мальчишка упал в Жанленский пруд, а я вытащила его, ухватив за штаны. Передо мной он не станет изображать из себя маршала Империи.

– Так он здешний?

– Он здесь родился.

– Как же его могли назначить сюда? Полицейским не разрешается служить в родных местах.

– Знаю, молодой человек. Но ему было одиннадцать лет, когда он уехал из Ордебека, и у его родителей здесь не осталось близких знакомых. Он долго жил где-то около Тулона, потом в пригороде Лиона, так что для него сделали исключение. Он здесь никого по-настоящему не знает. И потом, ему покровительствует граф.

– Здешний граф?

– Реми, граф д'Ордебек. Надо думать, вы хотите супу.

– Спасибо, – ответил Адамберг и протянул свою тарелку.

– Это морковный суп. Потом будет мясо в сливочном соусе.

– Эмери говорит, что Лина клиническая психопатка.

– Ничего подобного, – сказала Леона, вливая суп из огромной ложки в свой маленький рот. – Она живая и очень-очень славная девчонка. К тому же она оказалась права: Эрбье на самом деле умер. Луи-Никола быстро его найдет, тут можно не сомневаться.

Адамберг вытер тарелку хлебом, как сделала Лео, и принес на стол сотейник. Жаркое из телятины с фасолью, приготовленное на дровяной плите и аппетитно припахивающее дымком.

– А поскольку Лину с ее братьями тут не очень-то жалуют, – продолжала Лео, размашисто раскладывая жаркое по тарелкам, – то из-за этой находки поднимется большой скандал. Не верьте, что они отвратительные, просто люди всегда боятся непонятного. Поэтому Лина с ее даром и ее чудаковатые братья кажутся им подозрительными.

– И все это из-за Адского Воинства.

– Из-за этого и еще из-за многого другого. Поговаривают, будто у них в доме поселился дьявол. У нас тут, как и повсюду, много пустых голов, которые моментально наполняются чем угодно, в том числе всякими гадостями, дай только волю. Ведь плохое всегда притягивает сильнее. Людям так скучно.

В подтверждение своих слов Леона энергично мотнула подбородком, а затем враз проглотила мясо, которым у нее был набит рот.

– Надо думать, у вас есть собственное мнение насчет Адского Воинства, – сказал Адамберг, подражая ее манере не задавать вопрос напрямую.

– Прежде всего нужно разобраться, на чьей они стороне. В Ордебеке некоторые считают, что Владыка Эллен – слуга дьявола. А мне не очень-то верится. Я скажу так: если святой человек, как, например, святой Антоний, может спастись

от нечистой силы, разве нельзя предположить, что скверным людям это не удастся? Ведь все, кто уходит со Свитой Эллеке, – плохие люди. Вам это известно?

– Да.

– Вот поэтому их и хватают. Одни считают, что у бедняжки Лины бывают видения, что у нее с головой неладно. Врачи ее смотрели, но ничего не нашли. Другие говорят, будто ее брат кладет в омлет сатанинский гриб, от которого у нее галлюцинации. Надо думать, вы знаете, что такое сатанинский гриб. Красноногий боровик.

– Да.

– Вот как, – слегка разочарованно произнесла Леона.

– От него только сильно болит живот, а больше ничего.

Леона унесла грязную посуду в маленькую темную кухню и молча стала мыть, целиком сосредоточившись на этом занятии. Адамберг вытирал тарелки одну за другой.

– Мне-то все равно, – продолжала Леона, вытирая свои большие руки. – Да, Лина видела Воинство, в этом сомневаться не приходится. А уж настоящее или нет – не мне судить. Но теперь, когда Эрбье мертв, остальные представляют для нее опасность. Вот причина, по которой вы здесь.

Старуха, опираясь на палки, вернулась на свое место за столом. Затем вытащила из ящика коробку сигар внушительного размера. Достала одну, провела ею под носом, лизнула кончик и аккуратно зажгла, после чего подтолкнула открытую коробку к Адамбергу.

– Мне их присылает один мой друг, он получает их с Кубы. Я два года прожила на Кубе, четыре в Шотландии, три в Аргентине и пять на Мадагаскаре. Мы с Эрнестом повсюду открывали рестораны, так что повидали немало стран. Мы все готовили на сливках. Будьте так добры, достаньте кальвадос, он в шкафу на нижней полке, и налейте нам по стаканчику. Надо думать, вы не откажетесь

выпить со мной.

Адамберг выполнил ее просьбу, ему становилось все уютнее в этой небольшой темноватой гостиной, с сигарой, стаканчиком кальвадоса, пылающим камином, долговязой старой Лео, сморщенной, как печеное яблоко, и псом, который, похрапывая, спал на полу.

– Лео, так зачем я сюда прибыл? Могу я называть вас Лео?

– Чтобы защитить Лину и ее братьев. У меня детей нет, и мне она как дочь. Если еще кто-то умрет, я хочу сказать, кто-то из тех, кого она видела среди Воинства, ей несдобровать. В Ордебеке такое однажды уже случилось, это было незадолго до Революции. Парня звали Франсуа-Бенжамен, и он видел четырех злых людей, которых волокла за собой Свита Эллекена, но смог назвать только три имени. Как и Лина. А через одиннадцать дней двое из троих умерли. Люди очень испугались – они ведь не знали, кто четвертый, – и решили: надо уничтожить того, кто видел Свиту, тогда смертей больше не будет. И Франсуа-Бенжамена закололи вилами, а потом сожгли на рыночной площади.

– И третий человек остался жив?

– Нет, умер. А потом и четвертый, причем умирали они в том порядке, в каком их называл Франсуа-Бенжамен. Так что зря его подняли на вилы.

Лео отпила кальвадоса, прополоскала рот, шумно и с наслаждением проглотила, затем затянулась сигарой и выпустила дым.

– И я не хочу, чтобы это случилось с Линой. Кто-то скажет: сейчас другое время. А на самом деле ничего не изменилось, просто сейчас это делают по-тихому. Не будут хвататься за вилы, раскладывать костер на площади, но кончится тем же. Можете не сомневаться, любой из местных, у кого совесть нечиста, дрожит как осиновый лист. Они боятся, что их схватят, и боятся, что люди об этом узнают.

– А что у них на совести? Убийство?

– Необязательно. Это может быть присвоение чужой собственности, клевета или неправоудное решение. Если они уничтожат Лину, заставят ее замолчать, то

смогут вздохнуть свободно. Потому что в этом случае прервется связь с Воинством. Так у нас говорят. И то же самое говорили двести с лишним лет назад. Какими были, такими остались, комиссар.

– После Франсуа-Бенжамена Лина была первая, кто увидел Воинство?

– Конечно нет, комиссар, – ответила она из облака дыма своим хрипловатым голосом, в котором на сей раз прозвучал упрек, словно она отчитывала нерадивого ученика. – Мы же с вами в Ордебеке. В каждом поколении у здешних обитателей рождается по крайней мере один проводник. Проводник – это тот, кто видит Воинство, посредник между ним и живущими. До того как появилась на свет Лина, проводником был Жильбер. Я слышала, будто он возложил руку на голову Лины, когда ее держали над кропильницей, и таким образом передал малышке свою судьбу. А когда у человека такая судьба, от нее не убежишь, рано или поздно Воинство все равно призовет тебя на гринвельду. Или на гримвельд, как говорят ближе к востоку.

– Но Жильбера не убили? Так?

– Нет, его не убили, – сказала Лео, выпуская огромный клуб дыма. – Но с Линой вся штука в том, что она, как Франсуа-Бенжамен, видела четверых, а назвать смогла только троих – Эрбье, Глайе и Мортамбо. А кто четвертый, она не говорит. Поэтому, если Глайе и Мортамбо тоже умрут, в городе воцарится страх. Поскольку неизвестно, кто следующий, ни один человек не будет чувствовать себя в безопасности. Все переполошились уже тогда, когда она назвала Глайе и Мортамбо.

– Почему?

– Из-за слухов, которые с давних пор ходят об этих двоих. Они плохие люди.

– Чем они занимаются?

– Глайе изготавливает витражи для всех церквей в округе, он большой мастер своего дела, но человек не слишком приятный. Думает, что он намного выше простых крестьян, и не считает нужным это скрывать. Хотя его отец всего-навсего держал скобяную лавку в Шармей-Отоне. И если бы не было простых крестьян, которые ходят на мессу, никто бы не заказывал ему витражи. А

Мортамбо держит питомник и магазин и торгует рассадой на дороге в Ливаро, это такой угрюмый тип, молчальник. Само собой, когда о них поползли слухи, у этих двоих начались проблемы. Их стали избегать, в магазине поубавилось покупателей. А когда узнают, что умер Эрбье, будет еще хуже. Вот почему я говорю, что Лине надо бы держать язык за зубами. Но проводники – люди особенные. Они считают своим долгом рассказывать об увиденном, чтобы дать шанс тем, кого на их глазах схватило Воинство. Надо думать, вы знаете, что значит это слово.

– Да.

– Проводники надеются, что эти обреченные сумеют искупить свои грехи и спастись. Вот почему Лина в большой опасности, но вы смогли бы ее защитить.

– Я ничего не могу сделать, Лео, расследование ведет Эмери.

– Но его не волнует судьба Лины. Вся эта история с Адским Воинством вызывает у него только досаду и отвращение. Он воображает, будто люди изменились, будто они теперь здравомыслящие, не то что в прежние времена.

– Первым делом надо найти убийцу Эрбье. Двое других пока живы. Значит, на данный момент Лине ничто не угрожает.

– Может, и так, – сказала Лео и подула на затухающую сигару.

Чтобы попасть в спальню, пришлось выйти из дома: в каждой комнате была единственная дверь, ведущая во двор, и все эти двери пронзительно скрипели. Адамберг вспомнил дверь в квартире Жюльена Тюило, такую скрипучую, что Жюльен не решился ее открыть, хотя это могло бы снять с него подозрения. Одной из своих палок Лео указала комиссару на его спальню.

– Дверь надо приподнимать, чтобы не так скрипела. Спокойной ночи.

– Лео, я не знаю вашей фамилии.

– Полицейские всегда хотят это знать. А вас как зовут?

– Жан-Батист Адамберг.

– Вы не сердитесь, но в вашей комнате целая коллекция старых порнографических книг девятнадцатого века. Их отдал мне один друг, его семья потребовала, чтобы он убрал их из дома. Вы, конечно, можете их посмотреть, только осторожнее переворачивайте страницы, бумага ветхая, вот-вот расползется.

VIII

Утром Адамберг влез в брюки, тихонько вышел во двор и зашлепал босиком по влажной траве. Было полседьмого утра, роса еще не успела испариться. Он прекрасно выпался на старом шерстяном матрасе с углублением посередине, зарылся в него, как птица в гнездо. Несколько минут он расхаживал по лужайке, пока не нашел то, что искал: гибкий прутик, который, если его разлохматить на конце, можно было бы использовать вместо зубной щетки. Когда он обдирал кору с прутика, в окне показалась голова Лео.

– Хэллоу, звонил капитан Эмери, он требует вас к себе, и голос у него недовольный. Идемте, а то кофе остынет. Если долго стоять босиком во дворе, можно заболеть.

– Как он узнал, что я здесь? – спросил Адамберг, идя за ней.

– Наверно, не клюнул на байку про родственника. К тому же ему доложили, что на вчерашнем автобусе прибыл пассажир из Парижа. Он сказал, ему не нравится, что какой-то легавый действует у него за спиной, а я этому потворствую. Можно подумать, мы партизаны и сейчас военное время. Знаете, он может устроить вам неприятности.

– Я скажу ему правду. Скажу, я приехал посмотреть, что это за штука такая – гримвельд, – сказал Адамберг, отрезая себе толстый ломоть хлеба.

– Правильно. И что гостиница на ремонте.

– Ага.

– Поскольку вас вызывают в жандармерию, вы не успеете на поезд из Лизье, который отходит в восемь пятьдесят. Следующий, из Сернэ, будет в четырнадцать тридцать пять, но не забудьте, что вам надо еще полчаса на автобус. Как выйдете отсюда, поверните направо, потом еще раз направо, потом пройдите прямо еще восемьсот метров к центру города. Жандармерия – сразу за сквером. Оставьте кружку, я вымою.

Прошагав примерно километр через поля, Адамберг вошел в здание жандармерии, выкрашенное в веселенький желтый цвет, словно какой-нибудь пляжный домик.

– Комиссар Жан-Батист Адамберг, – представился он толстому бригадиру. – Капитан назначил мне встречу.

– Прекрасно, – ответил бригадир, взглянув на Адамберга с сочувствием, как на человека, на месте которого ему не хотелось бы оказаться. – Кабинет – в конце коридора. Дверь открыта.

Адамберг остановился на пороге и несколько секунд наблюдал за капитаном Эмери, который нервно расхаживал по кабинету. Он был очень напряжен, но безупречно элегантен в тщательно подогнанной форме. Красивый мужчина чуть старше сорока, правильные черты лица, густые белокурые волосы без проседи, под форменной рубашкой с погонами – втянутый живот.

– В чем дело? – спросил Эмери, оборачиваясь к Адамбергу. – Кто вам разрешил войти?

– Вы, капитан. Вы вызвали меня сегодня рано утром.

– Адамберг? – спросил Эмери, окинув быстрым взглядом комиссара в измятом костюме, не имевшего возможности побриться и причесаться.

– Извините за щетину, – сказал Адамберг, пожимая ему руку. – Я не рассчитывал заночевать в Ордебеке.

– Присаживайтесь, комиссар, – сказал Эмери и снова посмотрел на Адамберга.

Знаменитое имя, которое одни произносили восторженно, другие злобно, совершенно не вязалось с этим маленьким, невзрачным человечком: все в нем, от смуглого лица до мешковатого черного костюма, казалось капитану неряшливым, нелепым и по меньшей мере неподобающим. Он попытался перехватить его взгляд, но не сумел и сосредоточился на улыбке, столь же любезной, сколь и ускользающей. От растерянности гневная речь, заготовленная заранее, почти что вылетела у него из головы, словно он натолкнулся на препятствие, вернее, на отсутствие всякого препятствия. И теперь не знал, как воздействовать на это пустое место, не знал даже, как вступить с ним в контакт. Разговор начал Адамберг.

– Леона сказала мне, что вы сердитесь, капитан, – сказал он, тщательно подбирая слова. – Но тут имело место недоразумение. В Париже вчера было тридцать шесть градусов, да еще я задержал старика, который убил жену хлебным мякишем.

– Как это?

– Затолкал ей в горло две компактные пригоршни хлебного мякиша. Поэтому меня соблазнила перспектива освежиться, прогулявшись по гримвельду. Надо думать, вы меня понимаете.

– Может быть.

– Я собрал и съел много ежевики. – Тут Адамберг заметил, что на руках у него еще оставались черные пятна от ягод. – Я не мог предвидеть, что встречу Леону, она сидела на дороге и ждала своего пса. Она тоже не могла предвидеть, что обнаружит в часовне тело Эрбье. Но я решил не посягать на ваши прерогативы, а потому не пошел на место преступления. Поскольку я опоздал на поезд, она предложила приютить меня. Я не ожидал, что буду курить настоящую гаванскую сигару и пить первосортный кальвадос у горящего камина, но именно этим мы и занимались. Очень славная женщина, как выразилась бы она сама, но это еще не все, что можно о ней сказать.

– А вы знаете, почему эта славная женщина курит настоящие кубинские сигары? – спросил Эмери и впервые за все время улыбнулся. – Вы знаете, кто

она?

– Она так и не назвала свою фамилию.

– Это меня не удивляет. Лео – это Леона Мари де Вальрэ, графиня д’Ордебек. Чашку кофе, комиссар?

– С удовольствием.

Лео – графиня д’Ордебек. Но живет на старинной, полуразвалившейся ферме, а в свое время держала гостиницу, чтобы заработать на жизнь. Она хлебает суп огромной ложкой, сплевывает табак. Капитан Эмери вернулся с двумя чашками кофе, на сей раз он улыбался искренней, дружелюбной улыбкой, свидетельствовавшей о том, что он, как сказала Лео, «парень не злой, а совсем наоборот», прямой и добросердечный.

– Вы удивлены?

– Да, порядком. Удивительно, что она бедна. По ее словам, у графа д’Ордебека крупное состояние.

– Лео – первая жена графа, но с их свадьбы прошло шестьдесят лет. Вспышка безумной любви, как часто бывает у молодых. Графская семья подняла дикий скандал, они постоянно давили на сына и два года спустя добились развода. Говорят, что эти двое еще долго продолжали встречаться. Потом образумились, и каждый пошел своей дорогой. Но хватит о Лео, – сказал Эмери, и улыбка исчезла с его лица. – Когда вчера вечером вы приехали сюда, вы еще ничего не знали? Я хочу сказать: когда вчера утром вы позвонили мне из Парижа, вы не знали, что Эрбье мертв и что смерть застала его у часовни?

– Нет.

– Ну, допустим. А вы часто так делаете – бросаете вашу Контору, чтобы пошататься по лесу под надуманным предлогом?

– Часто.

Эмери отпил кофе и поднял голову:

– Правда?

– Да. А тут еще этот хлебный мякиш с утра пораньше.

– Интересно, что думают по этому поводу ваши подчиненные?

– Среди моих подчиненных, капитан, есть парень с повышенной сонливостью, который в любой момент может заснуть на рабочем месте; есть зоолог, специалист по рыбам, особенно речным; есть вечно голодная девица, которая внезапно исчезает, чтобы прикупить еды; есть старый журавль, живущий среди сказок и легенд, а также ходячий справочник, подсевший на белое вино. И весь остальной личный состав – в том же роде. Так что с их стороны было бы неразумно придирааться ко мне.

– И что, вся эта компания работает?

– Еще как.

– Что вам сказала Лео, когда вы с ней встретились?

– Поздоровалась со мной: она уже знала, что я полицейский и приехал из Парижа.

– Ничего удивительного, у нее нюх в тысячу раз лучше, чем у ее собаки. Хотя она бы обиделась, услышав, как я называю это свойство нюхом. У нее своя теория, что всякие там несущественные детали взаимодействуют друг с другом и это многократно усиливает их последствия. Ну, вроде истории с бабочкой, которая взмахнула крылышками над Нью-Йорком, а потом в Бангкоке случился взрыв. Не помню, где я это слышал.

Адамберг покачал головой: он тоже не помнил.

– Лео верит в эффект бабочки, – продолжал Эмери. – Главное, говорит она, заметить эти крылышки в момент, когда они шевельнутся. А не тогда, когда все

взлетит на воздух. И к этому, надо сказать, у нее большие способности. Итак, Лина видит Адское Воинство. Это крылья бабочки. Ее шеф пробалтывается, Лео узнает о случившемся, мать Лины пугается, викарий советует ей обратиться к вам – ведь так все было? – она садится в поезд, завораживает вас своей историей, в Париже тридцать шесть градусов, какую-то женщину задушили хлебным мякишем, вы мечтаете о прохладе гримвельда, Лео поджидает вас на дороге, и вот вы сидите здесь.

– Но это все-таки не взрыв.

– А вот смерть Эрбье – уже взрыв. Сон Лины получил продолжение в реальной действительности. Так сказать, вызвал волка из леса.

– Владыка Эллекен указал на будущих жертв, и какой-то человек посчитал себя вправе убить их. Вы это имели в виду? Что видение Лины побудило убийцу к действию?

– Речь идет не просто о чьем-то видении, а о легенде, которая живет в Ордебеке уже тысячу лет. Могу поспорить, что минимум три четверти местных жителей боятся этой кавалькады живых мертвецов. Каждый из них трясся бы от страха, если бы Эллекен назвал его имя. Но не признается в этом. Уверяю вас, никто не решается выйти на гримвельд ночью, кроме горстки молодых людей, которые таким образом демонстрируют свою храбрость. У нас провести ночь на Бонвальской дороге значит пройти своего рода обряд инициации, доказать, что ты стал мужчиной. Отголосок средневековых обычаев, если хотите. Но верить в легенду настолько, чтобы сделаться палачом при Эллекене – нет, до этого им еще очень далеко. Правда, кое с чем я должен согласиться. Причиной смерти Эрбье действительно стал страх, который люди испытывают перед Воинством. Заметьте, я сказал «смерти», а не «убийства».

– Лео говорит, в него выстрелили из ружья.

Эмери покачал головой. Теперь, когда воинственный настрой капитана почти улетучился и он уже не считал необходимым держаться официально, его поза и выражение лица разительно изменились. Адамберг опять подумал об одуванчике. Вечером, когда он закрыт, на него не хочется смотреть, а днем он выглядит нарядно и приветливо. Правда, если мамаша Вандермот казалась хрупкой, как цветок, о здоровяке-капитане этого никак нельзя было сказать.

Адамберг в очередной раз стал вспоминать, как называются семена-парашюты, и прослушал начало ответа.

– ...из его собственного ружья системы «дарн», точнее, это не ружье, а обрез. Этот мерзавец получал удовольствие, если мог прикончить самку и детенышей одним выстрелом. В данном случае стреляли с очень близкого расстояния, и вполне возможно, что он направил ствол на себя и выстрелил в лоб.

– А причина?

– Причину мы с вами уже обсудили. Это страх перед Адским Воинством. Связь событий легко проследить. Эрбье слышит о предсказании. Он – черная душа и знает это. Ему становится страшно, психика не выдерживает. Он опорожняет морозильники, тем самым отрекаясь от своих охотничьих подвигов, и сводит счеты с жизнью. Ибо, как гласит легенда, Эллекен не отправляет в ад того, кто покарал себя сам.

– Почему вы сказали, что он направил ствол на себя? Ведь стреляли в упор?

– Нет. С расстояния в десять с небольшим сантиметров.

– Если бы он сделал это сам, то, скорее всего, прижал бы дуло ко лбу.

– Не обязательно. Может быть, перед смертью он хотел увидеть выстрел. Увидеть дуло ружья, направленное ему в лицо. Пока что на прикладе мы обнаружили только его отпечатки.

– Значит, можно также предположить, что кто-то воспользовался пророчеством Лины, чтобы избавиться от Эрбье, имитировав самоубийство.

– Тогда непонятно, зачем понадобилось выбрасывать все из морозильников. У нас тут охотников гораздо больше, чем защитников животных. А все из-за кабанов, от которых огромный вред. Нет, Адамберг, этот поступок свидетельствует о раскаянии, о желании искупить свои грехи.

– А мопед? Зачем он спрятал его в орешнике?

– Он его не прятал. Просто поставил между кустов, чтобы не торчал на виду. Думаю, это было сделано по привычке.

– Но зачем лишать себя жизни в часовне?

– Хороший вопрос. Согласно легенде, тех, кого схватили, часто находят мертвыми вблизи заброшенных церквей. Вы знаете, что значит «схватили»?

– Знаю.

– Они оказываются там, где обитает нечистая сила, то есть там, где властвует Эллекен. Эрбье, желая опередить события, приезжает туда сам и добровольно лишает себя жизни, чтобы избежать грозящего ему наказания.

Адамбергу надоело сидеть, у него затекли ноги.

– Можно я пройдусь по кабинету? Не люблю долго сидеть.

Лицо капитана окончательно посветлело, теперь оно выражало горячую симпатию.

– И я тоже, – произнес он с радостью человека, встретившего родственную душу. – У меня от этого что-то делается в животе, должно быть, на нервной почве, там будто скапливается электричество и образует маленькие шарики, которые перекачиваются по желудку. Говорят, мой предок, наполеоновский маршал Даву, был нервным человеком. Мне надо час или два в день ходить, чтобы разрядить эту батарейку. А что, если мы пройдемся по городу и заодно продолжим разговор? Вы не пожалеете, городок у нас красивый.

И капитан повел коллегу по узеньким улочкам, мимо старинных глинобитных стен и низеньких домиков с потемневшими балками, мимо заброшенных амбаров и накренившихся яблонь.

– А вот Лео другого мнения, – сказал Адамберг. – Она уверена, что Эрбье убили.

– Она как-то обосновала свою уверенность?

Адамберг пожал плечами:

– Нет. Очевидно, знает просто потому, что знает, вот и все.

– Вечно с ней так. Она очень хитрая и с годами привыкла думать, будто никогда не ошибается. Конечно, если бы ей отрубили голову, Ордебек лишился бы значительной части мозгов. Но чем старше она становится, тем реже обосновывает свои соображения. Ей приятно, что ее считают всезнайкой, и она стремится поддерживать эту репутацию. Она совсем ничего не сказала?

– Нет. Только то, что невелика потеря. И что она не испугалась, когда нашла труп, потому что уже знала о его смерти. Она больше говорила о лисе и его птице, чем о том, что видела в часовне.

– О синице, которая привязалась к трехлапому лису?

– Да. А еще рассказывала о своем псе, о его любимой сучке с ближней фермы, о святом Антонии, о своей гостинице, о Лине и ее семье, о том, как она вытащила вас из пруда.

– Верно, – улыбнулся Эмери. – Я обязан ей жизнью, и это мое самое раннее воспоминание. Ее называют моей второй матерью, ведь я и в самом деле тогда заново родился. После того дня мои родители души не чаяли в Лео, они наказывали мне, чтобы я всегда любил и почитал ее. Это случилось в разгар зимы, и пока Лео вместе со мной выбиралась из пруда, она промерзла до костей. Говорят, ее три дня знобило. Потом у нее начался плеврит, и все уже думали, что ей конец.

– О плеврите она мне не рассказывала. Как и о том, что была замужем за графом.

– Лео никогда не хвастается, просто незаметно навязывает вам свою точку зрения, но этого достаточно. Никто из здешних жителей не тронул бы ее трехлапного лиса. Никто, кроме Эрбье. Лис угодил в один из его капканов и потерял лапу и хвост. Но Эрбье так и не успел его прикончить.

– Потому что Лео убила его до того, как он убил лиса.

– Она на это вполне способна, – весело заметил Эмери.

– Вы возьмете под охрану человека, которого Лина назвала вторым? Стекольщика?

– Он не стекольщик, он мастер-витражист.

– Да, Лео сказала, что он очень талантливый.

– Глайе мерзкий тип, он никого не боится. Такого не запугаешь Адским Воинством. Но если на него нападет страх, тут, к сожалению, ничего не поделаешь. Нельзя помешать человеку свести счеты с жизнью, когда он действительно этого хочет.

– А вдруг вы ошибаетесь, капитан? Вдруг Эрбье все-таки убили? Тогда могут убить и Глайе. Вот о чем я.

– Вас не переубедишь, Адамберг.

– Вас тоже, капитан. Потому что вы в безвыходной ситуации и версия о самоубийстве для вас – наименьшее зло.

Эмери замедлил шаг, потом остановился и достал пачку сигарет.

– Объясните, комиссар, что вы имеете в виду.

– Об исчезновении Эрбье стало известно еще неделю назад. За это время вы ничего не сделали, разве что послали людей осмотреть его дом.

– Это все, на что я имел право, Адамберг, если бы Эрбье захотел уехать втайне от всех, преследовать его было бы противозаконно.

– Хотя его видели с Адским Воинством?

– Когда жандармерия ведет расследование, то не прислушивается к бреду сумасшедших.

– Нет, прислушивается. Вы допускаете, что Воинство может быть повинно в его смерти, какой бы эта смерть ни была, добровольной или насильственной. Вы знали, что Лина назвала его имя, но вы ничего не сделали. А теперь, когда тело обнаружено, уже слишком поздно искать улики.

– Думаете, мне устроят нагоняй?

– Думаю, да.

Эмери затянулся и выпустил дым со звуком, похожим на вздох, потом оперся на каменную стену, тянущуюся вдоль улицы.

– Ну хорошо, – согласился он. – Мне устроят нагоняй. А может, и нет. Нельзя же привлечь меня к ответственности за его самоубийство.

– Вот почему вы допускаете только эту версию. Цена ошибки здесь не так велика. А если это убийство, вы по уши в дерьме.

– Нет доказательств, что это было убийство.

– Почему вы не стали искать Эрбье?

– Из-за Вандермотов. Из-за Лины и ее братьев. Мы с ними не очень-то ладим, и я не хотел им подыгрывать. Я здесь представляю порядок, а они – отсутствие здравого смысла. Одно с другим несовместимо. Я несколько раз задерживал Мартена за незаконную охоту по ночам. И его старшего брата, Ипполита. Однажды он взял на мушку компанию охотников, заставил их раздеться, собрал их карабины и бросил всё в реку. Поскольку он не мог заплатить штраф, я посадил его на двадцать дней в кутузку. Они просто мечтают, чтобы меня убрали отсюда. Вот почему я ничего не сделал. Чтобы не попасться в их ловушку.

– Какую ловушку?

– Вполне примитивную. Лина Вандермот заявляет, что у нее было видение, после чего Эрбье исчезает. Он с ними в сговоре. Я начинаю его активно искать, и Вандермоты немедленно подают на меня жалобу, обвиняя в злоупотреблении

властью и посягательстве на личную свободу граждан. Лина дипломированный юрист, она знает законы. Предположим, я игнорирую эту жалобу и продолжаю поиски Эрбье. Жалоба доходит до высшего начальства. И тут в один прекрасный день объявляется Эрбье, живой и здоровый, и в свою очередь подает на меня жалобу. В итоге мне светит либо выговор, либо перевод.

– Зачем тогда Лина назвала еще двух заложников Адского Воинства?

– Для правдоподобия. Она притворяется этакой добропорядочной толстушкой, а на самом деле хитра как черт. Воинство часто утаскивает нескольких человек зараз, ей это известно. Вот она и назвала троих, чтобы задурить людям голову. Так я себе представлял ситуацию.

– Но все обернулось иначе.

– Да. – Эмери загасил сигарету о стену и засунул окурок между камней. – Впрочем, теперь это не имеет значения. Эрбье покончил с собой.

– Не думаю.

– Черт возьми, – повысил голос Эмери, – чего ты от меня хочешь? Ты ничего не знаешь обо всей этой истории, о здешних людях. Свалился на нас из своей столицы и отдаешь приказы.

– Это не моя столица. Я беарнец.

– А мне какая разница?

– И это не приказы.

– Я тебе скажу, что будет дальше, Адамберг. Ты сядешь на парижский поезд, я подпишу акт о самоубийстве Эрбье, и через три дня все об этом забудут. Если, конечно, ты не собираешься доконать меня этой версией об убийстве. Не знаю, какой шальной ветер занес ее в твою голову.

Ветер. Мать часто говорила Адамбергу: вечно у тебя ветер в голове, в одно ухо влетает, в другое вылетает, ни одна мысль надолго не задерживается, а сам ты

ни минуты не можешь посидеть спокойно. На ветру – как под водой. Все колышется и гнется. Адамберг знал это и боялся самого себя.

– Эмери, я вовсе не собираюсь вставлять тебе палки в колеса. Я только говорю, что на твоём месте взял бы под охрану парня, которого она назвала вторым. Стекольщика.

– Витражиста.

– Да. Возьми его под охрану.

– Если я это сделаю, Адамберг, мне крышка. Неужели ты не понимаешь? Это будет означать, что я не верю в самоубийство Эрбье. А я верю. По-моему, Лине хотелось, чтобы он покончил с собой, и, возможно, она намеренно подтолкнула его к этому. Я мог бы начать расследование, привлечь ее по статье «Доведение до самоубийства». Братья Вандермот наверняка мечтали, чтобы Эрбье провалился в ад. Их папаша и Эрбье – звери, каких свет не видывал, и неизвестно, который из них был страшнее.

Эмери снова зашагал по улице, засунув руки в карманы, что несколько деформировало его элегантный силуэт.

– Они дружили?

– Они были как два пальца одной руки. Говорили, у папаши Вандермота застряла в голове алжирская пуля, и этим обычно объясняли приступы агрессии. А Эрбье был садист, и два приятеля, конечно же, вдохновляли друг друга на новые подвиги. Лина вполне могла отомстить Эрбье, заставив его свести счеты с жизнью. Я уже говорил тебе, она хитрая. Ее братцы – тоже, но у них не все дома.

Они поднялись на самую высокую точку в округе, холм, откуда открывался вид на городок и окрестные поля. Капитан указал на еле заметное пятнышко с восточной стороны.

– Дом Вандермотов, – пояснил он. – Ставни открыты, значит они проснулись. Загляну-ка я к ним, взять показания у Лео можно и позже. Сейчас, когда Лины нет дома, будет легче заставить их разговориться. Особенно того из них,

который состоит из глины.

– Из глины?

– Ты правильно понял. Из хрупкой глины. Послушай меня, садись на поезд и забудь о них. В рассказах о Бонвальской дороге правда только то, что она сводит людей с ума.

IX

Оставшись в одиночестве, Адамберг выбрал на каменной ограде место на солнышке и уселся там по-турецки. Он снял ботинки и носки и стал смотреть на разновеликую вереницу бледно-зеленых холмов, протянувшуюся до горизонта, на коров, стоявших на лужайках неподвижно, как статуи, словно кто-то расставил их там в качестве ориентиров. Вполне возможно, Эмери прав, вполне возможно, Эрбье застрелился, когда узнал о явлении черных всадников. Но направить на себя дуло ружья, держа его на расстоянии нескольких сантиметров, – это совершенно неестественно. Все выглядело бы гораздо логичнее и правдоподобнее, если бы он засунул дуло в рот. Разве что он, по версии Эмери, решил искупить свои грехи и погибнуть, как те животные, которым он всегда стрелял в лоб. Вот только был ли Эрбье способен на раскаяние, мог ли ощущать угрызения совести? А главное, мог ли до такой степени бояться Адского Воинства? Да, мог. Черная кавалькада, изувеченная и смердящая, разъедала землю Ордебека уже тысячу лет. И в этой земле открылись бездны, куда любой, даже самый здравомыслящий человек, мог провалиться внезапно и навсегда.

Кромс прислал сообщение: Эльбо впервые самостоятельно попил воды. Адамбергу понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, кто такой Эльбо. Пришли и другие сообщения, из Конторы. Экспертиза подтвердила, что в горле у Люсетты Тюило был хлебный мякиш, однако в желудке покойной его не обнаружили. Таким образом, версию убийства можно было считать доказанной. Девочка, которую после побега из дома поместили в версальскую больницу, выздоравливала, песчанка осталась с ней. Мнимый брат дедушки поправился после травмы, его взяли под стражу. А вот сообщение от Ретанкур, написанное заглавными буквами, было тревожным. Момо Фитиль задержан, улики

достаточно, чтобы предъявить обвинение, сгоревший старик опознан, будет большой шум, прошу срочно позвонить.

Адамберг ощутил резкое болезненное покалывание в затылке, возможно, это был один из тех электрических шариков, о которых говорил Эмери. Потирая шею, он набрал номер Данглара. В одиннадцать утра майор должен быть на месте, пока еще не в рабочем состоянии, но на месте.

– Почему вы там задержались? – ворчливо, как всегда по утрам, спросил Данглар.

– Вчера нашли тело охотника.

– Знаю. Но ведь нас это не касается. Уносите ноги, пока этот чертов гримвельд вас не сцапал. У нас тут каждый час новости. А Эмери сам справится.

– Этого-то ему и нужно. Он милейший человек, рад сотрудничать, но ему не терпится, чтобы я уехал. Он полагает, что охотник покончил с собой.

– Отличная версия. И наверняка очень удобная для него.

– Разумеется. Но старушка Лео, у которой я ночевал, уверена, что это убийство. В своем городишке она точно губка в воде. Впитывает в себя все, что происходит вокруг, и так уже восемьдесят восемь лет.

– А если нажать, расскажет?

– На что нажать?

– На эту Лео. Она же губка.

– Нет, она очень осмотрительна. Она не сплетница, Данглар. Она действует, используя эффект бабочки, которая махнет крылышками в Нью-Йорке, а в Бангкоке будет взрыв.

– Это она так сказала?

– Нет, Эмери.

– Он все перепутал. На самом деле вот как: в Бразилии бабочка взмахивает крыльями, и в Техасе начинается торнадо.

– Это что-то меняет, Данглар?

– Да, меняет. Нельзя искажать формулировки, иначе даже самые стройные научные теории в конце концов превратятся в пустую болтовню. Для знания нет ничего вреднее. Сначала приблизительность, потом неточность, и в итоге истина улетучивается, уступая место мракобесию.

У Данглара немного улучшилось настроение, как всякий раз, когда он мог порассуждать, а тем более подискутировать, опираясь на свою эрудицию. Не то чтобы майор любил разглагольствовать с утра до вечера, но долгое молчание не шло ему на пользу, так как легко могло спровоцировать приступ меланхолии. Иногда было достаточно нескольких реплик, чтобы отвлечь Данглара от мрачных раздумий. Адамбергу хотелось поговорить о Момо Фитиле, но он оттягивал начало разговора. Данглар – тоже: это не предвещало ничего хорошего.

– Наверняка история с бабочкой существует в нескольких вариантах.

– Нет, – отрезал Данглар. – Это не басня, а научная теория предсказуемости. Ее выдвинул Эдвард Лоренц в тысяча девятьсот семьдесят втором году, в том виде, в каком я ее процитировал. Бабочка – в Бразилии, а торнадо – в Техасе, других вариантов быть не может.

– Очень хорошо, Данглар, и хватит об этом. Почему решили задержать Момо?

– Его взяли сегодня утром. Горючее, которое было использовано для поджога машины, вроде бы совпадает с его фирменным коктейлем.

– В точности?

– Нет, у него больше масла. Но основа та же: топливо для мопеда. У Момо нет алиби на время пожара, в ту ночь его никто не видел. По его словам, какой-то

человек назначил ему встречу в парке, чтобы поговорить о его брате. Момо якобы прождал его там два часа, потом поехал домой.

– Это еще не повод для ареста. Кто решил его задержать?

– Ретанкур.

– Без вашей санкции?

– Ну, почему же. Возле машины обнаружены следы кроссовок, подошвы которых запачканы бензином. Кроссовки утром нашли в квартире Момо, в пластиковом пакете. Насчет этого никаких сомнений, комиссар. Момо имеет глупость утверждать, что это не его обувь. Вообще он защищается крайне неуклюже.

– На пакете и кроссовках есть его отпечатки?

– Пока неизвестно, эксперты работают. Момо говорит, отпечатки наверняка будут, потому что он брал в руки эти кроссовки. Будто бы нашел у себя в шкафу пакет и захотел посмотреть, что там.

– Они его размера?

– Да. Сорок третьего.

– Это еще ничего не доказывает. Сорок третий – самый распространенный размер мужской обуви.

И снова Адамберг провел рукой по затылку, чтобы поймать катавшийся там электрический шарик.

– Но это еще не все, – продолжал Данглар. – Старик не заснул в машине и не сполз с сиденья. Он сидел прямо, когда начался пожар. А значит, поджигатель не мог его не заметить. Так что о непредумышленном убийстве можно забыть.

– Они новые? – спросил Адамберг.

– Кто?

– Кроссовки.

– Новые, а что?

– Скажите, майор, с какой стати Момо, решив поджечь машину, стал бы портить новые кроссовки, а если он это и сделал, то почему не избавился от них немедленно? А руки? Вы проверили, есть ли на них следы бензина?

– Эксперт приедет с минуты на минуту. Нам приказано все бросить и срочно расследовать это дело. Я назову фамилию, и вы сразу поймете, во что мы вляпались. Старик, который сгорел в машине, – это Антуан Клермон-Брассер.

– Ничего себе, – сказал Адамберг после минутной паузы.

– Да, – озабоченно произнес Данглар.

– И Момо случайно убил именно его?

– Почему случайно? Убивая Клермон-Брассера, он поразил капитализм в самое сердце. Может, втайне он всегда мечтал об этом.

Какое-то время Адамберг не прерывал рассуждений майора, он был занят тем, что одной рукой натягивал носки и надевал ботинки.

– Прокуратура еще не в курсе?

– Нет, мы ждем, когда будут результаты экспертизы рук.

– Данглар, что бы ни показала экспертиза, не направляйте ходатайство о предъявлении обвинения. Дождитесь меня.

– Не могу. Если следователь узнает, что мы затянули с ходатайством, а речь идет об убийстве Клермон-Брассера, то через час на нас напустится министр. Помощник префекта уже звонил, интересовался предварительными данными и

требовал, чтобы мы взяли убийцу прямо сегодня.

– Кто теперь руководит группой Клермон?

– Две трети акций принадлежали главе семьи. Остальное было поделено между двумя его сыновьями. Это упрощенная версия. Если точнее, отец владел двумя третями в строительном и сталелитейном секторе. У одного из сыновей большая часть акций в секторе электроники, другой контролирует сферу недвижимости. Но на самом деле старик всем управлял сам и не имел ни малейшего желания подпускать сыновей к рулю. Год назад стали поговаривать, будто старик в последнее время допустил немало оплошностей и Кристиан, старший сын, собирается поместить его под опеку, чтобы не допустить развала фирмы. Тогда старик назло сыновьям решил жениться на своей домработнице, женщине из Кот-д'Ивуар, которая на сорок лет моложе его, уже десять лет спит с ним и всячески его обхаживает. Через месяц должна была состояться свадьба. У нее двое детей, мальчик и девочка, и старик Антуан собирался их усыновить. Возможно, он говорил это не всерьез, но, в принципе, холодная решимость старика иногда бывает разрушительнее, чем страсть юноши.

– Вы проверили алиби сыновей?

– Об этом не может быть и речи, – процедил сквозь зубы Данглар. – Они так потрясены, что не в состоянии говорить с полицейскими, нас просили позвонить позже.

– Данглар, кто из экспертов будет работать с нами по этому делу?

– Энцо Лалонд. Классный специалист. Не делайте этого, комиссар. У нас и так земля горит под ногами, да еще с двух сторон.

– Не делать чего?

– Ничего.

Адамберг убрал телефон в карман, потер затылок и протянул руку к холмам, чтобы выбросить электрический шарик и дать ему рассеяться в воздухе. От этого ему вроде бы полегчало. Не завязав шнурков, он быстро спустился по

улочкам Ордебека к телефону-автомату, который заприметил еще раньше, когда шел от гостиницы Лео к центру. Будку не было видно с дороги, ее плотно окружали высокие зонтичные соцветия дикой моркови. Он позвонил в лабораторию и попросил к телефону Энцо Лалонда.

– Не волнуйтесь, комиссар, – сразу стал оправдываться Лалонд. – Я буду у вас самое позднее через сорок пять минут. Уже бегу.

– Не бегите. Вас задержали в лаборатории, потом вам никак не удавалось завести машину, и наконец вы попали в пробку или, что предпочтительнее, в аварию. Было бы чудесно, если бы вы разбили фару о столб. Или помяли буфер. В общем, придумайте сами, вы, кажется, сообразительный.

– Что-то не так, комиссар?

– Мне надо выиграть время. Возьмите пробы как можно позже, потом сообщите, что в процессе исследования была допущена ошибка. И завтра все придется начать сначала.

– Комиссар, – помолчав, сказал Лалонд, – вы понимаете, о чем просите?

– Об отсрочке на несколько часов, не больше. Вы выполняете приказ начальника и действуете в интересах следствия. Обвиняемый в любом случае отправится за решетку. Так разве вы не можете дать ему еще один день?

– Не знаю, комиссар.

– Ладно, Лалонд, без обид. Дайте трубку доктору Ромену и забудьте про этот разговор. Ромен сделает все, что нужно, и не будет трястись как осиновый лист.

– Ну хорошо, комиссар, будь по-вашему, – сказал Лалонд после еще одной паузы. – Однако услуга за услугу. Получилось так, что именно мне передали на анализ веревку, которой были связаны лапы у голубя. Я тоже попрошу вас об отсрочке, меня тут завалили работой.

– Согласен. Займитесь этим, когда у вас будет время. Только найдите хоть какую-нибудь зацепку.

– На веревке остались частицы кожи. Этот парень порезал себе пальцы. Может, даже ободрал. Остается пустяк: найти парня с небольшой ранкой на сгибе указательного пальца. Не исключено, правда, что веревка расскажет нам больше. Она необычная.

– Замечательно, вы молодец, – похвалил его Адамберг: он чувствовал, что молодой Энцо Лалонд пытается сгладить неприятное впечатление, которое произвел своей робостью. – Только не звоните мне в Контору, и на мобильный тоже не надо.

– Понял, комиссар. Позвольте вам сказать еще кое-что: я могу представить заключение не сегодня, а завтра. Но подделывать результаты анализа я не буду. И не просите меня об этом. Если парень виновен, я ничего не смогу сделать.

– О подделке я вас не прошу. Вы в любом случае найдете у него на руках следы бензина. Это будет тот же бензин, которым перепачканы кроссовки, поскольку он держал их в руках, а значит, тот же бензин, который нашли на месте преступления. Парня запрут, в этом можете не сомневаться.

И все будут довольны, произнес Адамберг, повесив трубку и полой рубашки стирая с нее свои отпечатки. И жизнь Момо Фитиля покатится к роковому рубежу, неизбежному и предначертанному заранее.

Вдалеке показалась ферма Леоны, Адамберг вдруг остановился, почувствовав тревогу. В прозрачном воздухе до него донесся вой собаки, долгий, тоскливый, полный безмерного отчаяния. Адамберг побежал к дороге.

Х

Дверь в столовую была распахнута настежь, Адамберг, обливаясь потом, вбежал в маленькую темную комнату – и замер. Долговязое сухопарое тело Леоны было распростерто на каменном полу, вокруг головы была лужа крови. Возле хозяйки, положив свою большую лапу на ее талию, лежал на боку и тихонько поскуливал Лод. Адамберг чувствовал себя так, будто большой кусок стены, отвалившись,

прокатился по нему от шеи до живота и затем упал, стукнув его по ногам.

Опустившись на колени, он потрогал горло Леоны, потом запястья: пульса не было. Леоны не упала, ее убили, кто-то хладнокровно размозжил ей голову о каменный пол. Он услышал, как скулит вместе с псом, как стучит кулаком по плитам пола. Тело было еще теплым, значит на Леоны напали всего несколько минут назад. Возможно даже, он спугнул убийцу, когда подбегал к дому по дорожке и гравий скрипел у него под ногами. Он открыл заднюю дверь, обвел быстрым взглядом безлюдное пространство вокруг дома, потом побежал к соседям узнавать телефон жандармерии.

Адамберг ждал приезда жандармов, сидя на корточках возле Лео. Как и Лод, он положил руку на ее тело.

– Где Эмери? – спросил он бригадира, который вошел в комнату вместе с какой-то женщиной, очевидно врачом.

– У психов. Сейчас приедет.

– Вызовите «скорую помощь», – скомандовала женщина-врач. – Она жива. Хотя, возможно, жить ей остается считанные секунды. Она в коме.

Адамберг поднял голову.

– Я не слышал пульс, – сказал он.

– Да, пульс очень слабый, – согласилась женщина, на вид лет сорока, привлекательная и с твердым выражением лица.

– Когда это случилось? – спросил бригадир, с явным нетерпением дожидавшийся своего начальника.

– Несколько минут назад, – сказала женщина. – Максимум пять. Она упала и расшиблась.

– Нет, – сказал Адамберг. – Ее ударили головой об пол.

– Вы прикасались к ней? – спросила женщина. – Кто вы вообще?

– Нет, не прикасался. А вообще я полицейский. Осмотрите пса, доктор, он не может встать. Он защищал Лео, и убийца его ударил.

– Уже осмотрела, он не пострадал. Я знаю Лода: если он не хочет вставать, с этим ничего не сделаешь. Он не двинется с места до тех пор, пока не увезут его хозяйку. А может, и потом не встанет.

– Наверно, ей стало плохо, – невпопад предположил толстяк-бригадир, – или она споткнулась о стул. И упала.

Адамберг покачал головой и не стал с ним спорить. На Леону напали, и случилось это потому, что она видела, как бабочка в Бразилии взмахнула крыльями. Когда? По какому поводу? Только в одном Ордебеке ежедневно возникают несколько тысяч неповторимых мелких деталей, несколько тысяч взмахов. И столько же событий неизбежно следуют за этим. Как, например, убийство Мишеля Эрбье. Громадная масса машущих крыльев, и вот два из них затрепетали перед глазами Леоны, наделенной даром видеть или чувствовать этот трепет. Но что это были за крылья? Искать бабочку в городке, где живут две тысячи человек, – все равно что пресловутую иголку в стоге сена. Впрочем, Адамберг никогда не мог понять, почему эта задача считается такой трудной. Ведь стог сена можно сжечь, и иголка сразу найдется.

Перед входом остановилась «скорая помощь», хлопнули дверцы. Адамберг встал и вышел. Когда санитары стали медленно задвигать носилки в машину, он провел тыльной стороной ладони по волосам старой женщины.

– Я еще вернусь, Лео, – сказал он ей. – Я буду здесь. Бригадир, передайте капитану Эмери мою просьбу: чтобы ее охраняли днем и ночью.

– Хорошо, комиссар.

– И чтобы никого не пускали к ней в палату.

– Хорошо, комиссар.

– Этого не понадобится, – холодно заметила женщина-врач, усаживаясь в машину «скорой помощи». – Она не доживет до вечера.

Еще более медленной, чем обычно, походкой Адамберг вернулся в дом, который охранял толстый бригадир. Он подставил руки под кран, чтобы смыть кровь Леоны, и вытер их тряпочкой, которой вчера после ужина вытирал посуду. Синей белой тряпочкой с рисунком в виде пчелок.

Пес не двинулся с места даже после того, как увезли его хозяйку. Теперь он скулил совсем тихо, издавая на выдохе жалобный звук.

– Заберите пса, – сказал Адамберг бригадиру. – Дайте ему кусочек сахара. Здесь его оставлять нельзя.

В поезде от ботинок Адамберга то и дело отставали засохшие листья и грязь и осыпались на пол буро-черными кусками, а женщина, сидевшая напротив, осуждающе смотрела на него. Адамберг поймал один кусок, повторявший узор его рифленой подошвы, и сунул в карман рубашки. Женщина напротив, подумал он, и не подозревает, что находится рядом с реликвиями, частицами Бонвальской дороги, которую топчут своими копытами кони Адского Воинства. Владыка Эллекен вернется и снова покарает Ордебек, ведь там осталось еще трое из тех, кого он должен утащить в преисподнюю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/fred-vargas-2/adskoe-voinstvo/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

См.: Фред Варгас. Заповедное место.

2

См.: Фред Варгас. Вечность на двоих.

3

См.: Фред Варгас. Заповедное место.

4

См.: Фред Варгас. Вечность на двоих.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/fred-vargas/adskoe-voinstvo-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)